

ВОРОНЕЖСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

А. П. БАБУШКИН

**"ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ"
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЯЗЫКА**

УДК 80/81
ББК 81-2
Б12

Научный редактор доктор филологических наук,
профессор З. Д. Попова

Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом простран-
стве языка. – Воронеж: Воронежский государственный универ-
ситет, 2001. – 86 с.

ISBN 5-9273-0122-3

Монография посвящена языковым средствам объективации так называемых
"возможных миров", анализ которых расширяет наши представления о ментальном
пространстве языка.

Адресуется студентам и преподавателям-филологам, аспирантам и научным
работникам, интересующимся семантикой модально ориентированных высказы-
ваний, проблемой взаимоотношений языка и мышления.

ББК 81-2

Поддержка данного проекта была осуществлена Московским общественным
научным фондом совместно с Министерством образования РФ, Институтом пер-
спективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предос-
тавленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т.
МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может несов-
падать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

ISBN 5-9273-0122-3

© А. П. Бабушкин, 2001
© Воронежский государственный
университет, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1	5
1.1. Семантика возможных миров	5
1.2. Модальность как особая разновидность картирования мира	11
1.3. Цель, методы и материал исследования	18
Глава 2	21
Типология возможных миров	
Раздел 1	21
2.1.1. Сослагательное наклонение как "окно" в возможные миры	21
2.1.2. Сослагательное наклонение в теории языка	22
2.1.3. Пространство ближайшего мира	27
2.1.4. Пространство возможного мира	29
2.1.5. Мир "чужих" ролей	31
2.1.6. Параллельный мир и мир воображаемых перспектив	36
2.1.7. Пространство Мира упущенных возможностей	39
2.1.8. Ирреальный мир	42
Раздел 2	46
2.2.1. Условные предложения и иные миры	46
2.2.2. Максимально приближенный мир	49
2.2.3. Потенциальный мир	50
2.2.4. Схема "Частица "бы" + инфинитив" и выражаемые ею фрагменты возможных миров	54
2.2.5. Мыслительные пространства, выявляемые в сравнениях	57
2.2.6. Мир сомнений, догадок и гипотетических допущений	61
2.2.7. Мир возможных альтернатив	67
2.2.8. Возможный мир, репрезентируемый вопросительными предложениями	70
2.2.9. Мир предписываемых действий	74
2.2.10. Антимир	75
Заключение	79
3.1.1. Иерархия возможных миров и их "картирование"	79
Литература	82

ВВЕДЕНИЕ

Объективный мир - это всеобъемлющая данность, в которую включается человек. В философском смысле слова этот мир определяется как бытие сущего, к которому приложим предикат "действительный". Действительность отражается в человеческом сознании, формируя образ мира, его картину. В "картировании" мира главенствующая роль принадлежит языку (Колшанский 1990; Кубрякова 1999; Мясникова 1985; Урысон 1998; Хайдеггер 1998; Яковлева 1996).

Развитие когнитивной науки позволило по-новому взглянуть на языковую картину мира, поскольку язык стал рассматриваться, с одной стороны, как совокупность структур представления знаний человека об окружающем мире и о самом себе, а с другой, - как инструмент такого познания. Знание о языке и знания языка складываются в одну целостную модель картирования мира, и в ней инвентаризируется все, что было накоплено говорящим на данном языке (Кубрякова 1999:7).

Одновременно в семантическом пространстве языка существуют миры, которые не являются копиями того, что бытует в действительном мире. Эти мыслительные пространства получили название "возможных миров". "Возможные миры" понимаются как нечто мыслимое, но не отражающее реальное положение дел. Мысль человека способна выходить за пределы сущего и "рисовать" картины, которые можно квалифицировать как "реальность нереального". То, насколько приближены эти картины к действительности, или насколько они отдалены от нее, определяется когнитивным опытом человека и человечества в целом.

Если в логике и математике проблема "возможных миров" (в своем ключе) исследуется уже не одно десятилетие, то в лингвистике эта интереснейшая проблема лишь нащупывается, и пути ее разработки еще только намечаются.

"Возможные миры", в равной мере, как и действительный мир, регистрируются языковыми средствами. Анализ языковых средств, репрезентирующих разные типы "возможных миров", и посвящено наше исследование.

Глава 1

1.1. СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Идея возможных миров (и как метод ее разработки - семантика возможных миров) возникли в связи с развитием модальной логики. Модальная логика - один из важнейших специальных разделов математической логики, сосредоточенный на пропозициональных исчислениях и исчислениях предикатов. В этих исчислениях, кроме обычных пропозициональных связок, используются еще так называемые модальные операторы (Слинин 1967:119).

Идея возможных миров используется для установления истинности модальных высказываний. Отдавая себе отчет в том, что "возможные миры" - это сложнейшая философская, логическая и математическая проблема, мы беремся за ее освещение только в том узком аспекте, который необходим для целей нашей работы.

Инициатором постановки вопроса о возможных мирах явился немецкий философ, физик и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц. Размышляя о вопросах мироздания, Лейбниц утверждал, что Божественный разум непременно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть (Краткая философская энциклопедия 1994:239).

Возможные миры - это набор альтернатив, из которых Создатель делает свой выбор. Иные миры возможны, по крайней мере, в том смысле, что они логически состоятельны (consistent). Эти миры имеют завершенную форму, так как они содержат всю совокупность живых существ, включают "свою" Вселенную в ее пространственных границах и временной истории (Adams 1996:633).

Лейбниц сформулировал "априорный" принцип примата возможного над действительным (существующим). Другим "априорным", то есть не зависящим от опыта, принципом бытия, Лейбниц считал обоснованность того факта, что существует именно данный мир, а не какой-нибудь другой из возможных, что происходит именно данное событие, а не другое. По его мнению, совершенство данного мира является достаточным основанием его существования, причем совершенство действительного мира понимается им как "гармония сущности и существования" (Философский энциклопедический словарь 1983:305).

Основоположниками семантики возможных миров считаются С. Крипке, С. Кангер и Я. Хинтиikka, положившие идею Г. Лейбница в основу своих теоретических изысканий второй половины XX столетия.

В самом общем виде теория возможных миров сводится к следующему. Постулируется наличие множества "миров"; среди этого множества есть один реальный мир, в котором мы живем, другие представляют собой "возможные миры".

В возможных мирах может не существовать того, что существует в реальном мире, и наоборот (Слинин 1967:135).

Автор одной из немногих отечественных монографий, посвященных философским проблемам семантики возможных миров, В.В. Целищев подчеркивает важность интерпретации понятия возможного мира: понимать ли возможный мир онтологически, как нечто отличное от реального мира, или эпистемологически, то есть как другой вариант видения реального мира (Целищев 1977:28). Возражая тем, кто полагает, что иные миры - это реально существующие пространства, заключающие в себе физически воспринимаемые сущности в виде конкретных небесных тел, городов, населяющих их людей и т. п., Соул Крипке пишет: "Мне кажется, что все те, кто так рассуждают, как-то слишком буквально понимают метафорическое выражение "возможные миры". Как будто "возможный мир" - это что-то вроде другой страны или отдаленной планеты, а действующие в нем лица едва различимы через телескоп" (Крипке 1982:354). Таким образом, возможный мир получает прописку исключительно в сфере ментальности.

Понятие "возможный мир" можно интерпретировать как возможное положение дел, либо как возможное направление развития событий. По мнению финского логика Яакко Хинтиikka, изложенному в работе "Логика в философии - философия логики", "...суть этой идеи заключается в том, что использование многих важнейших понятий включает в себя так называемую дескриптивную компоненту и недескриптивную, или модальную компоненту. Различие этих компонент характеризуется следующим образом: зачастую способ использования того или иного понятия можно проанализировать, констатируя вначале, что с помощью этого понятия описывается одно или несколько возможных положений дел (возможных направлений развития событий), а затем нечто высказать по их поводу. Так, например, можно высказать одобрение или неодобрение рассматриваемому положению дел, квалифицировать его реализацию как физически невозможную, утверждать, что оно имеет место и т.п....

Здесь открываются перспективы анализа обычной немодальной логики как логики описаний состояний мира и рассмотрения модальной логики (которая в широком смысле включает не только изучение понятий возможности и необходимости, но и всех других понятий, имеющих сходные свойства) как изучения свойств и взаимоотношений возможных миров... Конечно, наш подход может включать в себя сущности, отличные от тех, которые обычно рассматриваются в философии, но можно не без основания утверждать, что каждый из нас ежедневно встречается с такими сущностями, - продолжает автор. - Каждый, кто когда-либо думал, скажем, о вероятности различных возможностей относительно завтрашней погоды, тем самым рассматривал и несколько "возможных положений дел". Каждый, кто когда-либо обдумывал то, что он воспринимает или не воспринимает в данной ситуации, тем самым неявно классифицировал возможные положения дел... На нынешнем этапе обсуждения этой проблемы я хочу только подчеркнуть, что каждый из нас, используя в повседневной практике сущности типа "возможного положения дел", не испытывает по этому поводу никаких угрызений совести" (Хинтиikka 1990:39).

На каких основаниях, и каким образом человек ориентируется в возможных мирах, каковы их антропоцентрические характеристики?

Одним из основополагающих моментов семантики возможных миров является выбор возможных миров неким индивидом: личность "а" в возможном мире "W" не примет любого возможного мира в качестве альтернативы данному миру "W". Лишь некоторые из возможных миров способны рассматриваться в качестве таких альтернатив. Когда говорят "возможно" или "необходимо", то имеют в виду не все множество возможных миров, а множество, некоторым образом ограниченное контекстом речевого акта и, прежде всего, знаниями, которыми обладают говорящие субъекты, набором их презумпций, их представлениями о законе, морали, физических возможностях, о том, что считается естественным и нормальным и т. д. (Столейкер 1985:424; Арутюнова, Падучева 1985:18). "Существуют возможные миры с утонувшими рыбами и летающими лошадьми, но нет миров с дядями женского пола или матерями, не имеющих детей," - пишет П. Сгалл (Сгалл 1985:396). Тем самым подчеркиваются когнитивные предпосылки в распознавании реального мира и его возможных вариантов.

Я. Хинтиikka указывает на самую тесную связь значения предложения с определенной информацией, которую это предложение

несет слушателям или читателям. Эта информация - о том, что данное предложение истинно, то есть окружающий нас мир таков, что он удовлетворяет условиям истинности этого предложения (Хинтика 1980:69).

Одновременно важно уяснить то, что возможные миры не существуют изолированно, оторванно друг от друга, подобно островкам в мировом океане ментальности: <...> Возможные будущие линии развития событий соответствуют различным возможным мирам, которые, как обычно говорят в модальной логике, являются "достижимыми" из действительного мира (Сёрль, Вандервекен 1986:245).

Так в научный обиход вводится понятие ближайшего возможного мира (Davis 1996:164). Рассуждая о существовании действительного мира и "иных" миров, Л. Витгенштейн писал: "...Как бы ни отличался воображаемый мир от реального, он должен иметь нечто - некоторую форму - общее с действительным миром" (Витгенштейн 1958:33).

Логико-философский смысл теории "возможных миров" не исчерпывается приведенными здесь положениями. Однако думается, что и этот (далеко не полный) обзор позволит читателю понять сущность концепции "возможных миров". Для нас интересно то, что теория возможных миров, перешагнув границы работ логико-философского направления, начинает плодотворно применяться в языкознании и литературоведении.

Ю. С. Степанов был, пожалуй, первым из отечественных лингвистов, кто обратил внимание на существование оппозиции "мир" - "миры" в русском национальном сознании (Степанов 1994:3-18).

Ставя своей целью опровергнуть бытующий взгляд на понятие "ментальные, воображаемые, возможные и т.п. миры" и понятие "Мир - Вселенная" как ничем не связанные между собой, ученый анализирует концепт "мир" в его историческом развитии - от понятия "мир как обжитое место" до формирования понятий "ментальный мир" и "Мир - Вселенная, Универсум".

Ю. С. Степанов рассматривает языковые данные через призму двух подсистем в устройстве языка - семантики и референции.

Если теория семантики имеет дело с тем, как сложились и закрепились значения языковых единиц, то теория референции занимается проблемой аппликации языковых выражений к объектам мира, прослеживает "возврат" сложившихся в системе языка выражений к действительности, о которой человек говорит в данный момент времени.

В семантическом ракурсе процесс освоения мира, по мнению

Ю. С. Степанова, осуществляется по линии грамматической категории "личности - безличности". В триаде "В мешке у тебя ключи гремят" (предложение личное) - "В мешке-то у тебя гремит" (безличное слабой степени) - "Ишь, как гремит: видно, гроза будет (безличное сильной степени) усматривается отчетливое, либо неотчетливое выделение субъекта высказывания из окружающего его фона. Категория "личности - безличности" градуируется по степени пространственной определенности объекта, то есть как бы по линии контуров вещи.

В референции, в свою очередь, заложена идея не пространственной определенности вещи, а ее логической определенности, и она, как и категория "личности - безличности", способна поэтапно варьироваться по этому параметру. С точки зрения референции, мир также осваивается человеком "от себя", по направлению от ближайшего пространства к тому, что существует "вне себя", за рамками личностного "я", к более далекому. Однако результатом этого процесса является создание уже не "мирочувств", а подлинно ментального, логического мира. При этом формированию ментального, воображаемого, идеального пространства предшествует («под ним лежит») пространство семантики как "видимая" сфера, в которой размещены вещи (в семантическом пространстве выделяется как некое ядро концепт "место").

"Первичный концепт" мир как то место, где живем мы, "свои" и концепт "Мир - Вселенная, Универсум", - пишет Ю. С. Степанов, - связаны в самом прямом смысле слова отношениями расширения в пространстве: осваивается все более обширное пространство, черты первоначального "своего" мира распространяются на все более далекие пространства, а затем, когда физическое освоение за дальностью пространства становится невозможным, освоение продолжается мысленно, путем переноса, экстраполяции уже известных параметров на все более отдаленные расстояния. В сущности, этот процесс довольно несложен, он напоминает логическую индукцию и совершается по принципу, который, выражаясь разговорным языком, можно описать словами: "Подобно тому миру, в котором я действительно живу (хожу, действую), устроен также более отдаленный мир, в котором я могу жить (двигаться, действовать), и еще более отдаленный мир, в котором я мог бы действовать (но вряд ли буду, так как он слишком далек), и еще более отдаленный мир, в котором я никогда не могу быть, так как он слишком отдален, но который я могу себе представить точно таким же образом, как и все предыдущие, - но только лишь - и единственно - в мысли" (Степанов 1994:11).

Такая трактовка "возможных миров" Ю. С. Степановым несомненно восходит к постановке данной проблемы Я. Хинтикой - возможные миры - это вероятностное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в реальном мире и проецирующем свое "я" в иные мыслительные пространства.

"Возможные миры" начинают привлекать и литературоведов. Так, используя важный для Я. Хинтики тезис о взаимосвязи некоторого множества миров и семантики языка (число и характер этих миров имеют свои строгие пределы, что связано с границами языка, на котором мы говорим), Вяч. Вс. Иванов анализирует дух поэтических и драматических произведений известного поэта-символиста В.В. Хлебникова. Ученый показывает, что опыты Хлебникова по созданию своего нового языка происходили в областях, относящихся к возможностям уже существующего языка (русского), которые прекрасно ощущал поэт-новатор.

В указанном плане впечатляет также пересказ Вяч. Вс. Ивановым пьесы В. В. Хлебникова "Госпожа Ленин", изданной еще в 1912 году. Действие пьесы разворачивается в сознании героини, а действующие лица - Голоса, которые сообщают ей о происходящем: Голос Зрения, Голос Слуха; о прошлом вещает Голос Памяти. По ходу пьесы звучат Голоса, вербализирующие разные стороны сознания госпожи Ленин: Голос Рассудка, Воображения, Голос Воли, Голоса Радости и Ужаса. Предполагается, что зрители не увидят действия, но через комбинацию этих Голосов они призваны сопереживать трагедию сознания человека, полностью отгородившегося от действительности. Замысел этого произведения сопоставляется с идеей Л. Витгенштейна о том, что мир и жизнь едины, и что субъект есть "граница мира" (Витгенштейн 1958:21). Разум героини пьесы Хлебникова как раз и сосредоточен на этой границе.

"Может показаться несколько натянутым способ сопоставления писателей и мыслителей по времени написания или опубликования их произведений. Но в том, что касается Витгенштейна и Хлебникова, их сосредоточенность на проблеме границ языка не вызывает сомнений... Хлебников не только постоянно думал о границах языка (что в жизни нередко оборачивалось молчанием, отчасти делающим упомянутую пьесу автобиографической). Он и экспериментировал в языке (русском и универсальном - "заумном", основанном на общечеловеческом звуковом символизме)", - пишет Вяч. Вс. Иванов (Иванов 1982:9-10).

Отзвуки этой логико-философской идеи ученый прослеживает в творчестве Мандельштама и Пастернака.

Несколько иную интерпретацию "иных миров", воплощенных в авторских текстах, дает А. Д. Шмелев, которого также интересует вопрос о логическом и референциальном статусе утверждений в содержании художественных произведений. По А. Д. Шмелеву, эта проблема решается через апеллирование к особому роду "действительности", коей является вымышленная действительность, создаваемая пером писателя. Утверждение о том, что Шерлок Холмс - это реальный, некогда живший в Лондоне человек - ложно в реальном мире, но оно оказывается истинным в мире рассказов о приключениях замечательного английского сыщика. А. Д. Шмелев повторяет в этой связи термин "притворство", некогда изобретенный Д. Льюисом. Писатель как бы "притворяется", что повествует о реальном мире. Постулируется существование ряда возможных миров, в которых художественная фантазия представляется как достоверный факт, и из этого множества можно выделить такое подмножество миров, которые отличались бы от мира действительности в минимальной степени. Положения, истинные в каждом из этих возможных миров, будут рассматриваться в качестве истинных и в "мире" литературного вымысла. (Шмелев 1995:115-116).

Как отмечает Н. В. Черемисина, изучение способов представления мира или множества миров в языке интересно не только для индивидуально-художественной, но и для выяснения особенностей национальной картины мира (Черемисина 1992:111).

Как отмечалось выше, возможные миры принадлежат области модальных суждений. Следующий раздел мы посвящаем проблеме модальности, понимая сферу модальности как вмещалище возможных миров.

1.2. Модальность как особая разновидность картирования мира

Модальность - это категория, интересующая как логиков, так и лингвистов.

Логическая категория модальности понимается как оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения. В модальных суждениях обязательно выражается определенное отношение к утверждаемым фактам и положениям дел и дается не только оценка этим фактам, но и выявляются основания для самого акта утверждения. Логическим связям модальных высказываний посвящен раздел неклассической логики, слагаемый из ряда направлений, каждое из которых занимается модальными высказываниями определенного

типа. С содержательной точки зрения выделяются отдельные группы модальностей, основанные на объединении соответствующих операторов: алетические (с модальными операторами "необходимо", "возможно", "невозможно"), деонтические (с операторами "обязательно", "разрешено", "запрещено"), доказуемые (с привлечением операторов "доказуемо", "неопровержимо", "опровержимо"), эпистемические ("принято", "допустимо", "отвергнуто") и экзистенциальные (с операторами "универсально", "непусто", "пусто") (Смирнова 1990:109).

Для примера рассмотрим краткие характеристики алетических и деонтических модальностей, которые определенным образом связаны с ходом нашего дальнейшего изложения. Под алетическими модальностями понимаются модальности онтологического характера. В этом случае операторы, действующие на высказывания, относятся к фактам, которые ими описываются. Говоря: "Необходимо, что Луна притягивается Солнцем" —, мы утверждаем необходимость самого факта притяжения Солнцем Луны" (Там же:110).

Алетические модальности подразделяются на логические и физические. Это деление основано на отмеченном еще Лейбницем разграничении между истинами логики и истинами факта. Все истинные суждения подразбиваются на два класса: истинные на логическом основании и истинные на основании изучения фактического положения вещей в мире, то есть под логически возможным понимается то, что не противоречит законом логики; под физически возможным — то, что не противоречит физическим законам (Слинин 1967:120).

В модальных суждениях утверждаемые положения дел могут оцениваться с платформы философских, методологических установок, включающих признание объективной природы необходимости, случайности, а также признание того, что в мире объективно существуют устойчивые, при определенных условиях повторяющиеся связи. Оценка может быть также направлена на соответствие высказываний определенным системам знания, принятым нормам и т. д.

Если в случае алетических модальностей модальности рассматриваются как операторы, действующие на высказывания, то деонтические модальности направлены на действия, и соответствующие выражения представляют собой предписания, разрешения и запрещения, но не утверждения.

Кроме перечисленных, различают также абсолютные и относительные модальности и некоторые другие. В последние годы модаль-

ная логика бурно развивается, выводя на орбиту новые группы модальных понятий.

Одним из ее новых направлений и является интересующая нас логика возможных миров.

В науке о языке термин "модальность" соотносится с функционально-семантической категорией, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности. Лингвистическая модальность охватывает совокупность явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по способу своей оформленности.

Границы этой категории включаются высказывания, противопоставляемые по коммуникативной цели: "утверждение" - "вопрос" - "побуждение", по признаку "утверждение" - "отрицание", по градации значений в диапазоне "реальность" - "нереальность", по характеру видоизменяющейся связи между подлежащим и сказуемым, которая выражается лексическими средствами: "хочет", "может", "должен", "нужно" и т. д. (Ляпон 1998:303). В. В. Виноградов полагал, что каждое предложение включает в себя модальное значение в качестве существенного конструктивного признака (Виноградов 1975:58).

Различают объективную и субъективную модальность (хотя, по сути дела, в модальности всегда воплощается субъективное отношение говорящего к денотативной ситуации и к содержанию пропозиции, к акту речи и партнерам по коммуникации) (Шишкина 2001:42).

Объективная модальность сопряжена с категорией наклонения глагола, которое определяется как грамматический (а именно - морфологический) способ выражения отношения действия, о котором идет речь в высказывании, к действительности.

На вопрос, сколько наклонений имеется в том или ином языке, нельзя ответить однозначно (так как позиции ученых относительно их количества даже в рамках одного языка не всегда совпадают). Например, в русском, по мнению одних отечественных лингвистов, существуют три типа наклонений (этой позиции мы и будем придерживаться в дальнейшем): изъявительное (обозначающее, что действие мыслится говорящим как вполне реальное, действительно происходящее, происходившее или то, которое произойдет в будущем), повелительное (выражающее просьбу, приказание говорящего или побуждение к совершению действия) и сослагательное (обозначающее действие, которое говорящий мыслит как желаемое, предположительное, возможное, обусловленное).

Часто сослагательное наклонение именуется условным (Баранов, Костяева, Прудникова 1989:107).

Другие авторы в составе сослагательного наклонения различают отдельно желательное (оптатив) и условное наклонения (Розенталь, Теленкова 1985:136-137). Наконец, третьи - говорят о двух типах наклонений. Выделяют прямое, то есть изъявительное наклонение (индикатив), представляющее действие как реальное, и косвенные, выражающие нереальность действия: желательность, обусловленность, обязательность его выполнения и т. д. (Сабанеева 1994:46).

Разные языки, в которых глаголы изменяются по наклонениям, имеют разное число косвенных наклонений. В номенклатуре глагольных наклонений в языках мира насчитывается более тридцати единиц.

Категория наклонения не является единственным средством выражения модальности. Благодаря работам таких видных ученых, как О. Есперсен, Ш. Балли, И. И. Мещанинов, В. В. Виноградов, В. Г. Адмони, Н. Ю. Шведова, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, А. В. Бондарко, В. Г. Так признается, что модальные значения выражаются не только морфологическими средствами (синтетическими и аналитическими формами глагольных наклонений), но и различными синтаксическими конструкциями, модальными словами и частицами, знаменательными словами, словопорядком и интонацией. Это значит, что в науке о языке утвердилось широкое понимание модальности (Шишкина 2001:32).

Под субъективной модальностью понимается отношение лица к сообщаемому (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, предположение, удивление, опасение и т. д.).

В категории субъективной модальности язык фиксирует одно из важнейших свойств человеческой психики, заключающееся в противопоставлении "я" и "не-я" (концептуальное начало противопоставлено нейтрально-информативному фону) в рамках высказывания. Эта точка зрения нашла отражение в работах Ш. Балли, считавшего, что в любом высказывании фактическое содержание (диктум) противопоставляется оценке излагаемых фактов (модусу). (Ляпон, 1998:303). В русском языкознании субъективную модальность (в том числе, и формы ее языковой репрезентации) изучал В. В. Виноградов (Виноградов 1975).

Для возможных миров открыты сферы как объективной, так и субъективной модальностей. Предложения, в состав которых входят глаголы в изъявительном и сослагательном наклонениях, активным образом анализируются в русле нового подхода к проблеме референции, когда анализ отношений между обозначаемым и обозначающим, между предметом и его именем сосредотачивается на вопросах тождества объекта или индивида в действительном мире и возможных мирах. В определенных контекстах даже повелительное

наклонение рассматривают с привлечением понятия возможных миров. Например, предложение "Выйдите из комнаты!" может быть воспринято как приказ (в том мире, в котором говорящий имеет право приказывать и апеллирует к этому праву при данном высказывании), а в некотором другом мире (где говорящий не обладает полномочиями отдавать распоряжения) та же самая фраза может быть интерпретирована как просьба (Сёрль, Вандервекен 1986:243).

Занимаясь выражениями разных видов субъективной квалификации сообщаемого, нельзя обойти стороной категорию модальных глаголов: "мочь", "долженствовать", "хотеть", "желать", которые вносят свой вклад в моделирование возможных миров. "Для однозначного установления того, какая пропозиция выражается со словами "can", "may", "might", "must" или "ought" - "возможно", "разрешено", "могло бы быть", "необходимо", "обязательно", - нам нужно иметь заранее заданную или подразумеваемую область "всех возможных миров", - указывает Р. С. Столнейкер (Столнейкер 1985:425).

В работе "Возможности естественного языка и модальная логика" Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев различают онтологическую и эпистемическую возможность (иначе - потенциальность и проблематичность). В предложении "Петька мог и соврать, но решил сказать правду" ученые усматривают выражение возможности, которая имела место в прошлом, но не реализовалась. Несмотря на то, реализовалась ли данная возможность или нет, факт ее бытования (эта возможность имела место) представляется как объективно установленный. Авторы называют возможность данного типа онтологической возможностью, или потенциальностью. С другой стороны, высказывание "Есть ли основания верить Петьке? Петька мог и соврать" не предполагает знаний говорящего о том, соврал ли Петька или сказал правду. Говорящий выдвигает гипотезу: Петька мог и соврать. В предложении сообщается о том, что, возможно, указанная выше ситуация имела место в действительности (без указания, насколько верно это предположение), а не о том, что реально возникла ситуация, при которой имела место рассматриваемая возможность (Булыгина, Шмелев 1997:210).

Особый интерес вызывают выявляемые учеными виды онтологической возможности в их языковой объективации, терминологически обозначенные как алетическая и деонтическая модальности (об этих видах модальностей уже шла речь с позиций логики).

Алетическая модальность - проявление объективных позиций реального мира, тогда, как следует ожидать, деонтическая - связана с долгом, с требованиями, предъявляемыми к участникам той или иной

ситуации: из того, что футболист обошел соперника, значит, что он мог (и был в состоянии) "обвести" игрока противоположной команды, но из того, что игрок принял мяч руками, не следует, что он мог (и имел право) во время матча взять руками футбольный мяч.

По мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, подразделение онтологической возможности на виды обусловлено тем, что действительный мир принадлежит множеству "случаев" ("возможных миров"). Для каждого вида онтологической возможности существует свое множество "случаев", которые определяют необходимость или возможность конкретного положения дел. При этом один и тот же глагол, например, глагол "мочь", потенциально способен указывать на разные виды возможности: "мочь" - в физическом смысле, "мочь" - как интеллектуальная способность, "мочь" может указывать и на отсутствие препятствий, ассоциируемых с чертами характера той или иной личности, моральным долгом и т. п. (Там же: 215 - 216).

Объективная и субъективная модальности предполагают не только вариативность "случаев", способных актуализировать "возможные миры" - разные виды модальностей видоизменяют картину мира, вызывая ее девиации от стандартного состояния.

"Под картиной мира в самом общем определении понимается представление о мире как некоторой упорядоченной целостности", - пишет В. Г. Панов (Панов 1992:207).

В каждом социуме бытует понятие о стереотипной картине мира и нормативных соотношениях ее элементов: дома имеют стены, крышу, окна и двери; транспорт движется по проезжей части улицы; деревья растут корнями вниз и т. д.

Концепт нормы применим ко всем сферам жизни - явлениям природы, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей, их действиям и поступкам, экономике, искусству, науке, играм, спорту и т. п. (Вольф 1987:179; Арутюнова 1987:142). Понятие нормы приложимо и к системе языка на всех ее уровнях.

Норма не апеллирует к иным мирам; миропорождение возникает лишь тогда, когда фрагменты картины мира интерпретируются через призму модальности. В частности, когда человек оценивает факты и явления действительности по картине "хорошо" и "плохо", он соотносит их с эталоном, образцом состояния, поведения или действия. "Нормальное - соответствующее норме, подчиняющееся правилу. В противоположность этому аномальным является отклоняющееся от нормы" (Краткая философская энциклопедия, 1994: 306).

Аксиологические модальности - абсолютные: "хорошо", "плохо" и относительные: "лучше", "хуже" - включаются в круг проблем, которые интересуют как логиков, так и лингвистов (в лингвистике - это модальность оценки). Но есть и такие виды модальности, которые логики "пропускают", а языковеды, наоборот, заостряют на них свое внимание. Так, Е. М. Вольф говорит о "странности" как об особом модальном типе. Модальность странности, по мнению ученого, широко распространена в языке. Круг значений, включаемый в соответствующую модальную рамку, чрезвычайно широк и выражается по-разному.

Причем, способов отклонения от нормы гораздо больше, чем указаний на нее, потому что нормальное положение вещей не требует специальных обозначений (Вольф 1987:179). Повседневность не возбуждает коммуникативных центров ни у говорящих, ни у слушающих (Арутюнова 1987: 143). "Странность" классифицируется как девиация от стереотипа, отход от привычного и заурядного. Замечено, что ломка стереотипов активизирует память. Обычное посещение ресторана может не оставить особого впечатления у его завсегдатаев. Другое дело, если во время трапезы официант проливает суп на колени одного из гостей (Harley 1998: 230).

Дополняя уже сказанное о модальности "странности" можно заявить о своеобразном градуировании этого понятия. П. Бергер и Т. Лукман пишут, что пока некий субъект наблюдает, как его сослуживцы выполняют свои обычные производственные обязанности (например, печатают на машинках, сидя за соседними столами) - ситуация воспринимается как вполне нормативная. Она становится проблематичной, когда служащие собираются в углу и говорят шепотом. В этом случае необходимо понять смысл этих необычных действий, выбрать один из нескольких возможных вариантов решения этого вопроса: они могут советовать по поводу того, как починить сломанную машинку, или, возможно, у одного из них есть срочное распоряжение начальника. С другой стороны, можно предположить, что они обсуждают план проведения забастовки, и это выходит за пределы опыта данного человека, но все же находится в рамках тех проблем, с которыми связано его повседневное знание.

Однако, если наблюдатель приходит к выводу, что его коллеги коллективно помешались, тогда эта проблема предстает совершенно в ином свете - она выходит за пределы обычного и свидетельствует об абсолютно другой реальности. Вывод о том, что люди, которые коллективно шепчутся в углу, сошли с ума, означает, что они

попали в мир, больше не являющийся нашим общим миром повседневной жизни (Бергер, Лукман 1995:46-47).

Таким образом констатируемые пропозиции с разным коэффициентом "странности" выстраиваются в лестницу "по нарастающей", которая ведет из реального мира в иные/ возможные миры с их соответствующими "картинами".

Модальность "странности" похожа на модальность оценки, только в качестве ее основы выступает нормативная "картина", а не "картина" ценностная. "Странность" и оценка - это структуры, в которых модальное значение налагается на дескриптивное содержание языкового выражения.

Модальность привлекает нас не только как категория, позволяющая "заглянуть" в возможные миры, но и как средство, и как среда формирования таких миров.

1.3. Цель, методы и материал исследования

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить языковые способы представления возможных миров, в зависимости от означивания этих миров терминологически - определить их в качестве единиц образуемого множества, а также рассмотреть вопрос о "картировании" возможных миров в языковом сознании носителей русского языка.

Подбор языковых средств, способных указать на существование возможных миров, производился на основе понимания фактов гипотетичности, которую те или иные единицы языка придают содержащих их высказываниям.

Поиск языковых знаков, "цепляющих" возможные миры и таким образом делающих их доступными для анализа - важнейший, но не единственный прием. Ответу на вопрос, как лингвист сможет распознать и описать возможные миры, способствуют также следующие методы:

1) Когнитивный анализ языковых выражений, семантика которых признается "миропорождающей".

В широком смысле под когнитивным анализом понимается когнитивная обработка информации, которая поступает к человеку в процессе общения или чтения - она имеет место как во время понимания, так и во время порождения речи (Кубрякова 1996:64).

Наши знания о мире позволяют судить о характере возможного мира и его удаленности от реальной действительности.

2) Метод контекстуального анализа, сводимый к анализу пресуппозиций.

Термин "пресуппозиция" ввел в научный обиход Г. Фреге. Этот термин образуется путем соединения двух латинских составляющих: *praе* - "вперед", "перед" и *suppositio* - "предположение" и обозначает компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте (Падучева 1998:396).

Для нас пресуппозиция - это имплицитная информация, содержащаяся в отдельно взятом предложении или тексте. Как отмечает И. Я. Чернухина, способность воспринимать имплицитную невербализованную информацию возможна только при наличии у носителей языка необходимой пресуппозиции, необходимого запаса знаний, разделяемого с другими носителями языка. Пресуппозиция - это то, что "само разумеется" и поэтому не нуждается в экспликации с помощью языковых средств (Чернухина 1988:13).

3) Логика здравого смысла.

Здравый смысл - это совокупность взглядов людей на окружающую действительность, которые используются в повседневной жизненной практике и не поднимаются до уровня научного и философского осмысления фактов и событий. По существу, точка зрения с позиции здравого смысла оказывается верной, хотя она и ограничивается лишь поверхностным суждением о сути явлений (Краткая философская энциклопедия 1994:164). Б. Уорф предложил назвать логику здравого смысла природной логикой (*natural logic*), понимая под природной логикой метод познания мира, которым человек начинает обладать сразу, подсознательно, родившись в определенной языковой среде (Whorf 1993:31). Логика здравого смысла позволяет мгновенно отделять истину от вымысла и фантазии на основании простейшего принципа: "Так в жизни не бывает. Этого не может быть."

Таким образом, опираясь на языковые указатели гипотетичности, с помощью когнитивного анализа, учета пресуппозиций и логики здравого смысла можно квалифицировать то или иное выражение как вербальную манифестацию возможного мира.

Материалом, на котором строится анализ, являются выдержки из произведений русской художественной литературы. Естественно возникает вопрос - отделяя реальное от возможного, возможное от нереального, стоит ли приравнивать к отражению действительного мира, пусть даже его "осколков" (если речь идет об отдельных

предложениях, выбранных в качестве примеров) цитаты из литературных сочинений?

Если А. Д. Шмелев, на работу которого мы ссылались ранее (Шмелев 1995:115-116), говорит о художественных текстах как о возможных мирах, то В. Ф. Асмус еще в 60-х годах XX века отстаивал идею их "как бы" реальности: "Приступая к чтению художественной вещи, читатель входит в своеобразный мир. О чем бы ни рассказывалось в этой вещи, какой бы она ни была по своему жанру, по художественному направлению - реалистической, натуралистической или романтической, - читатель знает, пусть даже безотчетно, что мир (или "отрезок", "кусочек" мира), в который его вводит автор, есть действительно особый мир. Две черты составляют его особенность. Мир этот, во-первых, не есть порождение чистого и сплошного вымысла, не есть полная небылица, не имеющая никакого отношения к действительности. У автора может быть могучая фантазия, автор может быть Аристофаном, Сервантесом, Гофманом, Гоголем, Маяковским, - но как была велика сила его воображения, то, что изображено в его произведении, должно быть для читателя пусть собой, но все же реальностью" (Асмус 1968:56).

Читатель, резюмирует В. Ф. Асмус, относится к читаемому или "видимому" посредством чтения не как к сплошному вымыслу или небылице, а как к своего рода действительности.

То, что сказано о читателе, справедливо отнести и к лингвисту, работающему с практическим материалом. Мы будем относиться к примерам, почерпнутым из художественной литературы, как к фактам действительного мира при условии, что представляемые в виде примеров выражения будут обладать модальностью индикатива: И вся Москва спокойно спит (А. С. Пушкин); Всякий раз, приезжая в Германию, Николай Иванович Вавилов останавливался у Тимофеевых (Д. Гранин); В конце января, овеваянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады (М. Шолохов).

Практический анализ выражений, семантика которых соотносится с "возможными мирами", начнем с наиболее яркого представителя изучаемой совокупности.

Глава 2

2.1. ТИПОЛОГИЯ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Раздел 1

2.1.1. Сослагательное наклонение как "окно" в возможные миры

Перейдем к анализу природы и характера возможных миров, выявляемых в контексте предложений, в состав которых включаются глаголы в сослагательном (условном) наклонении.

Для хода дальнейших рассуждений требуется привлечение двух терминов - антецедент и консеквент, заимствованных из логики (любое условное предложение - двучленно). Под антецедентом понимается первый член условного предложения, формирующий условие; консеквент - второй член условного предложения, иначе - следствие.

Отношения между членами условной конструкции принято выражать формулой "Если P, то q", где P - антецедент, а q - консеквент.

В подоснове предложений подобного рода лежат контрфактические (противоречащие фактическому положению дел) ситуации.

Необходимо оговорить, что под условными предложениями здесь понимаются варианты употребления исключительно сослагательного наклонения, которые, как нам хотелось бы показать ниже, разнятся по степени отхода выражаемой ими мысли от действительного мира в плоскость иных (возможных) миров.

Мы выявляем и рассматриваем иерархию возможных миров с когнитивных позиций, понимая под возможными мирами сегменты ментального пространства языка, в пределах которых степень возможности совершения тех или иных действий поддается определенной дифференциации. Выводы о вариантах этой возможности основываются на знаниях человека о реальном мире и о самом себе. Речь идет о "картинах", полученных в результате мыслительных проекций тех или иных действий в иную ипостась относительно позиции "здесь" и "сейчас".

Для того, чтобы обозначить новый подход к сослагательному наклонению, необходимо рассмотреть, как данная категория описывается в лингвистической литературе.

2.2.2. Сослагательное наклонение в теории языка

Сослагательное наклонение входит в триаду наклонений (изъявительного, повелительного, сослагательного), определяемых в качестве грамматических способов выражения отношения действия к действительности с точки зрения говорящего. В русском языке оно выступало предметом внимания крупных отечественных ученых: А. А. Потебни, А. А. Шахматова, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, Б. А. Серебренникова и некоторых других. Термин был введен М. Г. Смотрицким, который буквально перевел его с латинского "modus conjunctivus" - "соединительное", "связывательное" наклонение (по употреблению последнего в сложноподчиненных предложениях). Традиционно считается, что сослагательное наклонение представляет действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, обусловленное, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий: Вы бы многое знали, если бы регулярно читали газеты; Если бы у меня были деньги, я бы купил эту книгу и т. п.

Наиболее распространенная форма сослагательного наклонения в русском языке - форма глагола на "л" в сочетании с частицей "бы".

Равно как и повелительное, русское сослагательное наклонение не имеет временных форм; действие, им выраженное, может относиться к любому временному плану. В английском же языке, например, наблюдается разграничение аналитических форм условных предложений: одни соотносятся с настоящим и будущим, а другие - с прошедшим временем (при этом используются вспомогательные глаголы *should* или *would* с последующей формой смыслового глагола, либо *should* и *would* в комплексе с перфектным инфинитивом, соответственно):

If he had some spare time, he would come to see you. - Если бы у него было свободное время, он бы пришел навестить вас (с позиции настоящего);

He would have read many books if his eyes hadn't hurt him. - Он прочитал бы много книг, если бы не испытывал боли в глазах (с позиции прошлого).

Сослагательное наклонение - явление, свойственное многим языкам мира (Реферовская 1998:321-322). Имеются попытки разработать типологию языков на основе семантического анализа конди-

циональных и темпоральных значений в условных предложениях и создать таким образом своеобразную анкету для описания условных конструкций в разных языках, а также выделить ядерные и периферийные структуры в рамках одного языка (Храковский 1994; 1996¹; 1996²).

В русской грамматике до сих пор нет единого мнения относительно глагольных категорий, выражающих возможность, предположительность, желаемость, условность действий. Как уже указывалось, одни ученые придерживаются той точки зрения, что существуют два наклонения - условно-желательное и собственно сослагательное (как рассматривал это явление А. А. Шахматов); другие полагают, что одно - обозначенное общим термином "предположительное", как его описывают авторитетные грамматики (но тогда неясно, как именно из него выводятся другие типы наклонений, выражающие модусы желания, побуждения, обусловленности и т. п.).

Пытаясь разобраться в вариантах проявления содержательной специфики сослагательного наклонения, М. А. Шелякин отстаивает идею существования инвариантного значения сослагательного наклонения в русском языке. По М. А. Шелякину, инвариантное значение заключается в допущении событий, которые замещают реальные или реально отсутствующие события; оно может быть представлено в сослагательном наклонении рядом частных значений и соответствующих функций. В разработанную им классификацию включаются значения допускаемых контрфактических условно-следственных событий, допускаемых потенциально-вероятных условно-следственных событий, допускаемых вероятно-возможных событий, допускаемых вероятно-уступительных событий, допускаемых обобщенно-уступительных событий, отрицаемых допускаемых событий, допускаемых желательных событий, допускаемых событий по степени обусловленности другими событиями.

Открывает эту семантическую классификацию значение допускаемых контрфактических (то есть противоречащих состоянию дел) условно-следственных событий, замещающих реальные причинно-следственные события. Предложение "Если бы он выучил урок, то не получил бы плохой отметки" означает: "Он не выучил урок, поэтому получил плохую отметку". (*Здесь и далее до последней ссылки на работу М. А. Шелякина используются его примеры*).

Важно отметить оценочную характеристику таких конструкций. Они подразделяются на предложения, выражающие целесообразность, предпочтительность, желательность и иную позитивность до-

пускаемых обуславливающих и обусловленных событий: Нет у меня гордости. Если бы была гордость, я не поставил бы себя в такое положение (Л. Толстой); Когда б я мог что заложить, давно уж продал бы (А. Пушкин).

Есть предложения, выражающие, напротив, нецелесообразность, непредпочтительность, нежелательность, то есть оценочную негативность допускаемых обуславливающих и обусловленных событий, контрфактически замещающих имплицитные причинно-следственные события: Тогда отец... ударил ее кинжалом и убил бы, если бы ее не отняли (Л. Толстой); Эта проповедь любви ради любви, как искусства, если бы могла иметь силу, в конце концов привела бы человечество к полному вымиранию (А. Чехов). В качестве варианта первого подпункта данной системы выделяются предложения, выражающие допускаемые условно-следственные события, в которых по фактическому отсутствию следствия можно прийти к заключению, что обуславливающее событие фактически также не имело места. Таким образом возникает довод для суждения об отсутствии имплицитных причинно-следственных связей событий, сопровождаемого коннотациями сомнения и неуверенности говорящего в допускаемом обуславливаемом событии: Если бы он приехал, то он зашел бы к нам = Он, вероятно, не приехал, так как не зашел к нам.

Далее выделяются значения допускаемых потенциально-вероятных условно-следственных событий, замещающих реально отсутствующие события и выражающие заранее допускаемые события в качестве условия прогнозирования других потенциально-вероятных событий: Если бы мне предложили что-нибудь из двух: быть трубочистом в Петербурге или быть здешним князем, то я взял бы место трубочиста (А. Чехов).

Аналогичным образом в рамках этой классификации группируются значения вероятно-уступительных событий, значения отрицаемых допускаемых событий: Я никогда не видел, чтобы она заплакала. Отдельно выступают изъяснительные придаточные предложения с союзом "чтобы", с частицами "хоть", "хотя бы", "пусть", союзами "лишь бы (не)", "только бы (не)" и т. д. (Шелякин 1999:124-136).

Указывается, что мысленные допущения (представления) событий и их связей, замещающих реальные события или реально отсутствующие события, заключают в себе противопоставляющую связь с реальностью, которая может носить разный характер и использоваться в речи для выражения множества ментальных рассуждений, сопоставлений, желаний, практического прогнозирования, связанных с осмыс-

лением и оценкой реальной действительности и сопровождаемых теми или иными субъективными отношениями говорящих к актам речи.

З. Д. Попова выдвигает идею существования синтаксических концептов как особых структур представления знаний. По мнению ученого, синтаксические концепты, сформировавшиеся в концептосфере языка, оказывают сильнейшее воздействие на развитие его структурных схем, членят концептосферу на глобальные смыслы и дают наиболее фундаментальную категоризацию знаний о мире (Попова 2000:178).

Опираясь на классификацию синтаксических структур в рамках сослагательного наклонения, предложенную М. А. Шелякиным, можно предположить наличие в содержательном плане языка исчисляемого множества пропозиций, объективируемых на синхронном срезе русского языка по формуле сослагательного наклонения. М. А. Шелякин дает достаточно детализированную картину значений "допускаемых событий", но в разработанной им системе отсутствует указание на характер и степень удаления мысли от фактического положения дел в действительности, хотя исследователь тезисно указывает на связь сослагательного (условного) наклонения с "возможными мирами" в той мере, как соотносятся с "возможными мирами" сказки, фантазии и художественные произведения вообще.

В указанном плане нам особенно близка работа А. А. Кретова "Невозможное в русском языке". С лингвистической точки зрения следует различать три типа словосочетаний, - пишет А. А. Кретов, - нормальные - отражающие наши представления о связях и законах окружающей действительности; субнормальные, тропеические - отражающие древнейшие представления наших предков о связях и законах окружающей действительности, и аномальные - не совпадающие с представлениями носителей языка о связях и законах нашего мира, но отражающие закономерности "возможных" миров (Кретов 1993:123).

Прежде всего, аномальные словосочетания отмечены автором в различных высказываниях, содержащих формы сослагательного наклонения: Вот если бы "у человека были" с одной стороны "заячи", а с другой "медвежьи лапы" (из финских повестей 19 - 20 вв.); Если бы "с небесных высей некое бдительное око глядело на мир", оно наверняка увидело бы, как происходила облава и чем она обернулась для Моюнкумской саванны... (Ч. Айтматов. Плаха.) (Кретов 1993:123).

Важно то, что в приводимых примерах явно ощущается "неправда" жизни, хотя эта "неправда" выражается с помощью обыденного

языка. Не случайно Ю. С. Степанов подчеркивал: "Возможный мир создается средствами языка... Возможный мир строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен, но его интенционалы не завершены экстенционалами, для них не находится существующих "вещей" в действительном мире" (Степанов 1985:303).

Оказывается, в некоторых языках, например, абхазском, имеются даже специальные грамматические индикаторы, указывающие на несоответствие содержания высказывания действительности. В грамматике абхазского языка есть особая глагольная форма, выражающая призрачность явления, обозначающая то, что мерещится, мнится, осознается как плод фантазии. Эта форма называется призрачным наклонением (Кретов. Указ. соч.:199).

В русском языке подобные маркеры отсутствуют, однако вариации в плане содержания различных предложений, содержащих глагол на «-л» в совокупности с частицей "бы", позволяют судить как о возможном положении дел в окружающем мире, так и о невозможных событиях, выходящих за пределы реального мира.

Мы подробно остановились на ряде конкретных работ, посвященных сослагательному (условному) наклонению, постольку они представляются нам "первыми ласточками", свидетельствующими о возобновлении интереса лингвистов к проблемам сослагательного наклонения как темы, в свое время вызывавшей достойное внимание исследователей-языковедов.

Интересен тот факт, что к сослагательному наклонению "повернулись лицом" не только лингвисты. Привлекательность темы ее выходом в возможные миры заставила и философов по-новому оценить предназначение собственной науки: "Философии вовсе не обязательно связывать себя с миром сущего и должного, с действительностью и необходимостью. Ее удел - это третья модальность, мир возможного, - считает М. Эпштейн. - Философия говорит не о том, что есть, не о том, что должно быть, а о том, что может или чего не может мышление. Философия до сих пор старалась объяснить или изменить мир, тогда как собственное ее дело - умножать возможные миры. Этим она отличается от науки, политики, религии: отталкиваясь от сущего и должного, она указывает в сторону возможного" (Эпштейн 1999:59). Ученый считает, что любая мысль - это только одна из возможностей мыслить, поэтому философ призван размышлять в поле модальности "как бы" и "если бы".

Учитывая, что в логике понятие возможных миров разработано все-таки глубже, чем в науке о языке (Карттунен 1985:308), мы ви-

дим нашу последующую задачу в анализе условных предложений, открывающих "окно" в иные и возможные миры.

Проанализированный в этом разделе материал, с одной стороны, создает предпосылки для выдвижения нового подхода к систематизации условных предложений, а с другой, позволяет понять, что мы обращаемся к практически не затронутому нашими предшественниками вопросу о дифференциации "возможных миров", воспринимаемых через призму высказываний, содержащих формы сослагательного наклонения глагола.

В качестве первого сегмента семантического пространства языка, сопряженного с "возможными мирами", рассмотрим так называемый "ближайший мир".

2.1.3. Пространство ближайшего мира

Идея о существовании ближайшего возможного мира пришла логикам в процессе определения истинности условного предложения, реализующего контрфактическую ситуацию и построенного по схеме "Если P, то q". Данная формула считается отражающей истину только в том случае, если истинен консеквент в ближайшем из возможных миров, когда в этом ближайшем мире истинным является также и антецедент: "Если бы вы повернули выключатель, свет загорелся бы". Данное выражение рассматривается как истинное только при том условии, если "мир", в котором при повороте выключателя, влекущем за собой освещение комнаты, близок к тому реальному миру, в бытовании которого поворот выключателя действительно приводит к освещению помещения (Davis 1996:164).

Условные предложения данного типа маркируются наибольшей (а в иных случаях - абсолютной) вероятностью действия, мысленная фиксация которого закреплена моделью "Если P, то q" (вернее, "Если бы P, то бы q"). В рассуждениях о повороте выключателя, вызывающего активизацию светового эффекта, подчеркивается универсальность ожидаемого результата при выполнении указанного условия, даже если в каком-то конкретном случае будет иметь место факт "обманутого ожидания" (например, в лампочке перегорела нить накала). Уверенность в истинности следствия зиждется на пресуппозиции известного физического закона - при замыкании электрической цепи инициируется поток электронов.

Вместе с тем очевиден и тот факт, что однозначный вывод относительно условной посылки не обязательно делается лишь на осно-

ве научных знаний. От поворота выключателя ждет возгорания электрической лампочки не только человек, которому известны законы физики, но и ребенок, едва способный дотянуться до выключателя рукой.

Наблюдательность людей, их жизненный опыт и преемственность знаний от поколения к поколению о порядке вещей в окружающем нас мире приводят к тому же самому заключению "Если бы P, то бы q".

См. другие примеры:

Если бы у ребенка была корь, у него болели бы глаза и горло, а на теле появилась бы характерная сыпь.

За "кадром" этой условной конструкции содержится информация о данной болезни: Корь - острое инфекционное заболевание, протекающее с лихорадкой, крупнопятнистой сыпью на теле, катаральным воспалением слизистой оболочки глаз, полости рта и дыхательных путей (Полная энциклопедия народной медицины).

- ... Если бы тебя раньше бешеная собака укусила, что бы с тобой было?

- Сбесился бы.

- И помер. А сейчас, пожалуйста: полгода - и человек как огурчик! А кто это все придумал? Ученые! (В. Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала.)

Если бы меня спросили: как поступит такой-то человек, такого-то возраста, такого-то воспитания или среды, при таких-то и таких-то обстоятельствах, я бы ответил с большей или меньшей уверенностью. (А. Куприн. Первый встречный.)

Важно указать здесь на однозначное соответствие условия и следствия: если бы имело место P, то проявление q обязательно и неотвратимо (в этом плане ближайший мир выражает идею алетической модальности, по Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелеву).

Коллективный характер знаний, объективируемый в подобных конструкциях, следует отличать от личностных заблуждений, которые могут строиться по той же модели - "Если бы P, то бы q".

Если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, произошел бы от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос (А. П. Чехов. Письмо к ученому соседу).

Говорящий верит в неизбежность следствия при заявленном условии, но запас знаний, которыми он располагает, не соответствует истинному положению вещей в мире.

Наряду с этим имеются примеры непонимания того, что определенная причина, содержащаяся в действительном мире, обязательно приводит к надлежащему выводу в ближайшем из возможных миров:

Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил господь, а тут крушение... людей убил... Ежели б я рельсу унес или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! Гайка! (А. П. Чехов. Злоумышленник.)

Рассказ на том и строится, что следователь по делу "злоумышленника", а вместе с ним и читатель прекрасно осознают, к чему привели бы в ближайшем мире рейды Дениса Григорьева и его сподвижников-односельчан на железную дорогу. Чем могла бы закончиться практика, применяемая, по их соображениям, с сознанием дела: "Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем."

Таким образом, ближайший мир тесно примыкает к реальному миру, но не совпадает с ним вследствие выражаемой гипотетичности его реализации.

2.1.4. Пространство возможного мира

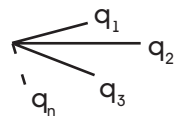
Под эту рубрику мы подводим условные конструкции, имеющие не одно, а множество потенциально возможных консеквентов, каждый из которых соответствует действительности в ее проекции на возможный мир.

Рассмотрим пример:3

Если бы Юлины родители были бизнесмены, они обязательно отправили бы родную дочь отдыхать на Канары. (Из газет).

Первый член условного предложения "Если бы Юлины родители были бизнесмены..." (соответственно нашим знаниям о мире), может иметь ряд прогнозируемых вариантов, способных сформировать второй член условной пропозиции:

Если бы P, то бы

Если бы Юлины родители были бизнесмены,

q_1 - они жили бы в роскошном особняке;

q_2 - владели бы иномаркой;

q_3 - лечились бы в частной клинике;

q_4 - определили бы дочь учиться в престижный вуз.

Таким образом, "они обязательно отправили бы родную дочь отдыхать на Канары", - лишь одно из следствий указанного выше условия.

См. также:

Если бы Николай служил в армии,

q_1 - он познал бы тягости и лишения военной службы;

q_2 - он умел бы стрелять из автоматического оружия;

q_3 - он был бы физически сильным и закаленным человеком.

Исчисление других возможных консеквентов ограничено перечнем допустимых сценариев, существующих в сознании носителя языка по заданной теме. Нельзя закончить предложение, открываемое условием "Если бы Николай служил в армии...", следствием типа "...он бы в совершенстве овладел техникой бального танца".

С целью выявления наиболее типичных консеквентов, следующих из одного предъявленного антецедента, был проведен лингвистический эксперимент, в котором участвовали 100 студентов 1-2 курсов естественных и гуманитарных факультетов университета. Перед участниками эксперимента была поставлена задача, закончить предложение в сослагательном наклонении, начинающееся со слов "Если бы я хорошо знал английский язык...".

В обобщенном варианте выводы из данной посылки свелись к следующим формулировкам: "Я бы использовал знания языка для образовательных и профессиональных целей" (45 %) ("Я свободно читал бы научную литературу; работал бы в престижной фирме; понимал бы английскую речь по радио и телевидению; мог бы получать интересную информацию по интернету; читал бы английских классиков в оригинале; не имел бы проблем на уроках английского языка"). 15 % испытуемых сменили бы профессиональную ориентацию и стали бы переводчиками, еще 35 % уехали бы за границу (в Англию, Америку, Канаду) учиться, работать или жить постоянно. На 5 % опрошенных приходится следующие высказыва-

ния: "Я стал бы изучать еще один язык (французский, японский); завел бы себе друзей в разных странах мира; понимал бы песни на английском языке и т. п.

Антецедент "Если бы я хорошо знал английский язык..." приводит к выявлению в наборе консеквентов своеобразного центра и периферийной зоны. А вот условие "Если бы я выиграл в лотерею крупную сумму денег..." не имеет наиболее типичного следствия - каждый планировал бы распорядиться деньгами по-своему.

Но как раз в вариациях потенциальных консеквентов и заключается смысл "возможных миров" (См. схему развития сюжета "Если бы я хорошо знал английский язык..." в развернутой мыслительной "картинке", представленной одним из студентов: "...Я бы женился на американке, переехал бы жить в Америку, открыл бы там собственное дело, например, бензозаправку, и под этим прикрытием служил бы Родине в качестве профессионального разведчика. Я дослужился бы до звания полковника внешней разведки и, вернувшись домой, написал бы мемуары о своей жизни (на русском языке)".

Следовательно, вариативность возможных миров может носить как предсказуемый, так и непредсказуемый характер.

2.1.5. Мир "чужих" ролей

Включенные в жизнь общества говорящие субъекты выполняют различные ролевые функции.

Ролевые функции понимаются как типизированные действия и формы действий, совершаемые любыми деятелями. "Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в стереотипы... - пишет Л. П. Крысин. - Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться" (Крысин 1989:135).

Человек, как правило, повседневно выполняет целый ряд ролевых функций: производственных, ритуальных, семейных, бытовых. Роли, исполняемые носителями языка на "сцене" жизни, социально закрепляются. По мнению Питера Бергера и Томаса Лукмана, дядя может выпороть нашкодившего племянника, но для того, чтобы за ним закрепилась эта роль, необходимо постоянное, а не разовое выполнение им соответствующей экзекуции, а также закрепление функции - "порщик племянника" - в языке (Бергер, Лукман 1995:120). В принципе, наказание провинившегося мальчишки - это ролевая прерогатива отца, поэтому, когда ремнем размахивает дядя - это уже, отчасти, "возможный мир".

Ролевая дифференциация сопряжена с проблемой тождества индивидуума в возможных/иных мирах. Попытаемся разобраться, каким образом и в каких контекстах это происходит.

Проблема тождества объекта во всех возможных мирах, как отмечалось выше, представляет собой одну из главных тем семантики возможных миров. В этой связи Соул Крипке вводит понятие жестких и нежестких десигнаторов. Под жестким десигнатором он имеет в виду термин (имя), который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах. (Например, квадратный корень из 25 необходимо означает всегда определенное число, а именно 5) (Крипке 1982:350-351). В то же время термин "изобретатель бифокальных очков" (предположим, что их изобретателем был Бенджамин Франклин) - нежесткий десигнатор, так как нельзя запретить кому-то думать, что мир мог бы быть не таким, какой он есть на самом деле, а значит, что при других обстоятельствах "бифокальные очки" мог бы "придумать" кто-нибудь другой (Там же:352).

Однако данное рассуждение - всего лишь теоретическая посылка с целью разграничения жестких и нежестких десигнаторов, ибо возможные миры, по убеждению С. Крипке, - это лишь гипотетические допущения (и мы разделяем его точку зрения), поэтому интуитивно или на основе личного опыта человек идентифицирует имя "президент Никсон" с личностью бывшего главы американской администрации во всех возможных упоминаниях данного имени.

Тем не менее, открытым остается вопрос о фактах "миропорождения", встречаемых в условных предложениях, когда носители языка "присваивают" себе чужие роли.

Рассматривая биноминативные предложения типа "Если б я был султан...", "Кабы я была царица..." (тем самым противопоставляя что-то "я" более высокому социальному статусу - в нашем понимании - "чужой", несвойственной этому "я" роли), Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев пишут, что такая биноминативная конструкция, предполагающая предикативную связь, возможна в том случае, если второй элемент модели понимается не жестко (в духе С. Крипке) - в переносном метафорическом значении: "Если бы Хазанов был Сальери..." = Если бы Хазанов был завистлив (Булыгина, Шмелев 1997:509).

Внимание ученых сосредоточено, в основном, на antecedенте выражения, построенного по схеме контрфактического "Если P, то q": "Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире..." (Л. Н. Толстой, Война и мир.) Нас же - изыскателей возможных миров - интересует комплексная картина, выявляемая в плане содержания всего условного предложения как целостной единицы.

В рассказе Л. Толстого "Рубка леса" читаем:

"Вот если бы я был Наполеон или Фридрих, - сказал ...Болохов, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мне, - я бы непременно сказал какую-нибудь любезность".

Речь идет о только что пролетевшем пушечном ядре неприятеля и о том, что бы в этом случае произнесли "великие", ожидая, что их слова будут "запротоколированы" для памяти потомков.

Выход в возможный мир видится в акте прохождения стереотипной "картины" поведения двух исторических лиц через призму собственного "я" героя рассказа.

Литературные примеры свидетельствуют о том, что "примеряя" к себе чужое имя, и, с одной стороны, "раскрепощая" жесткий десигнатор, с другой - человек четко осознает, что он тем самым мысленно переносится в мир, отличающийся от действительного:

"Но что б вино и ткани дальних стран? На что бы нам огромные палаты, Коль были бы, мой друг, мы все Сократы? (И. А. Крылов. Послание о пользе страстей.)

"Если бы он назвал Карнавалова Гоголем, Достоевским, Чеховым да хоть Шекспиром, это сколько угодно. Но дело в том, что Толстым раньше он звал меня. А предположить, что на земле могут существовать одновременно два Толстых, и тем утешиться, я, конечно, не мог. (В. Войнович. Москва 2042.)

И вновь - к Толстому (рассказ "Набег"):

"Если бы он [капитан] мог выражаться также, как Платон (то есть, если бы он был наделен способностями Платона, иначе - был Платоном. - А. Б.), он, верно, сказал бы, что храбр тот, кто боится того, чего следует бояться, а не того, чего не нужно бояться".

Жаль, что не удастся воспроизвести примеры из школьных сочинений на тему "Если бы я был президентом...", которые когда-то цитировались на страницах "Комсомольской правды".

Для того, чтобы "мир чужих ролей" действительно реализовался в сознании носителей языка, необходима информативная значимость "мигрирующего" имени в сознании не только говорящих, но и слушающих субъектов:

"Незнакомец вздохнул и положил клешню рака на стол доктора Тимана.

- Я вам лично неизвестен. Да. Но... если бы я был Диоген или тому подобное. Может же быть." (Л. Никулин. Бацилла искренности.)

Всемирной истории были известны три древнегреческих Диогена: Диоген Аполонийский, Диоген Лаэртий и Диоген Синопский, годы жизни которых не совпадают. Очевидно, речь идет о Диогене Синопском (род. ок. 412 - ум. 323 до н. э.), философе, развившем сократовскую идею самосозерцания до вершин внутреннего аскетизма. Именно этот Диоген стал символом распушенности и кинического бесстыдства (отсюда возникло слово "циник"). По преданию, Диоген жил в бочке и в ответ на обещание Александра Великого исполнить любую его просьбу попросил императора отойти в сторону и не заслонять солнце.

Если реципиент не владеет соответствующей информацией, его сознание не будет сориентировано на восприятие иного мира, и имя "Диоген" останется "ПУСТЫМ ЗВУКОМ".

В мире "чужих" ролей говорящий оказывается в иной ситуации, нежели актер, воплощающий характер того или иного персонажа на сцене по системе К. С. Станиславского. Артист должен перевоплотиться, вжиться в образ своего героя, полностью исключить свое "я", а говорящий, сиюминутно (игра "на случай") "наводящий" на себя чужое обличье в тех или иных обстоятельствах, прежде всего, исходит из знания своего характера и присущих ему личностных качеств:

- На вашем месте я бы поехала домой. Я вам завтра позвоню в Крестовоздвиженскую общину. Едва ли это начнется раньше. Я уверена, что роды будут естественными, без искусственного вмешательства. (Б. А. Пастернак. Доктор Живаго).

Автоматически воспринимая начало фразы, мы не задумываемся над тем, что быть на месте адресата высказывания, значит, открыть для себя (в данном случае - для женщины-ассистентки) мир мужчины, томительно ожидающего появления на свет своего первого ребенка.

Есть в английском языке устойчивое фразеосочетание "to be in one's shoes", употребляемое исключительно в условных предложениях "If I were in your shoes" - (букв.) "Если бы я был в твоих туфлях (обу-

ви)"; быть в таком же положении, как кто-либо; быть на чьем-то месте; быть в чьей-либо шкуре:

There were two lads of eighteen dining at a table near them, and now and then they looked at Mildred: he wondered if they envied him dining with a pretty girl; perhaps they were wishing they stood in his shoes (W. S. Maughham. Of Human Bandage).

В переводе А. В. Кунина (Кунин 1984:678) этот отрывок звучит следующим образом:

За последним столиком ужинали двое парнишек лет по восемнадцати, они то и дело поглядывали на Милдред; наверно, завидуют ему, что он ужинает с хорошенькой девушкой, - вот бы, наверно, думают, поменяться с ним столиками.

В таком контексте фраза "поменяться столиками" фактически означает желаемую смену ролей, так как в действительном мире поменяться столиками несложно, а вот оказаться "в обуви", "в образе" другого человека (будь он известной исторической фигурой или ординарной личностью) - проблематично, для этого надо сделать шаг по направлению к "возможному миру".

Но ни один из всех, какого б ни был роду
Не властен сам свою переменить природу,
Прожить чужую жизнь, сыграть чужую роль, -

писал французский поэт Пьер де Ронсар (Ронсар 1998:546).

Впрочем, люди с психическими отклонениями, страдающие "манией величия", способны приватизировать не только способ решения определенной проблемы конкретным историческим лицом, не только его внутренний образ, но также внешние атрибуты и обиходно-поведенческие характеристики тех или иных персонажей. В этом случае, конечно, в больном сознании таких людей реальный мир полностью утрачивается, и они живут уже в другом времени и пространстве (Feldman 1993:571).

2.1.6. Параллельный мир и мир воображаемых перспектив

Прежде всего, оговорим возможность включения параллельного мира (разумеется, не в смысле некой "виртуальной реальности") и мира воображаемых перспектив в типологию "возможных миров" в целом, а затем рассмотрим каждый из них в виде отдельных ментальных пространств. Наша цель заключается в подтверждении той мысли, что, хотя условные предложения лишены временных характеристик, существуют семантические пространства, которые соотносятся с настоящим или будущим моментами времени относительно акта их речевой объективации.

Уже говорилось о том, что в английском языке имеется форма сослагательного наклонения, соотносимая с настоящим или будущим временем (Subjunctive II):

If John played, the team would win. - Если бы Джон играл, то команда бы выиграла. (Имеется в виду - сейчас, когда мы сидим на трибуне болельщиков, либо когда мы ведем речь о предстоящих соревнованиях.)

Подобная модель есть и в литовском языке:

Jei Jonas zaistu, tai komanda laimetu (в том же самом смысле: Если бы Йонас играл, то команда выиграла бы) (Павилёнис 1975:16).

Общепризнанно, что в русском языке по форме сослагательного наклонения нельзя определить - потенциальное ли это условие или ирреальное, так как, думая о прошлом, мы скажем точно так же:

"Если бы Иван играл, то команда выиграла бы" (а Иван не принял участие в игре, и команда проиграла).

Тем не менее, анализ условных предложений позволяет высказать гипотезу, что и в русском языке существует имплицитная "отсылка" мыслительного содержания условных предложений к непосредственному моменту реализации схемы "Если P, то q" (предполагаемое действие могло бы иметь место в настоящем, если бы в момент речи были реализованы другие обстоятельства, то есть, если бы описываемый сценарий вдруг стал бы развиваться по иной сюжетной канве, а участники коммуникации - "здесь" и "сейчас" - стали бы свидетелями альтернативного развития этого сценария).

Данная идея, в равной степени, может быть соотнесена и с моментом в будущем, если смотреть на него через "окно" в возможные миры:

На улице Зося взяла Корейко под руку:

- Мы все-таки будем дружить. Правда?

- Было бы лучше, если бы вы вышли за меня замуж, - откровенно буркнул Корейко. (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.)

"Поправка", внесенная "советским миллионером", маркирована либо его желанием незамедлительно вступить в брак с Зосей, либо с векторным устремлением его помыслов в будущее.

"Я тоже люблю вас, и вы очень милы. И еще больше любила бы вас, если бы имела время", - отвечал взгляд неизвестной девушки. (Л. Н. Толстой. Анна Каренина.)

Воображаемая ситуация "картирует" динамику чувств от момента "теперь" - до обусловленного одним только "если" более глубоко чувства в будущем.

См. другие примеры:

- Что, если бы папа с мамой сейчас явились? Что бы они сказали?

- Хи-хи! - запищал голый Гришка. - Уроков не учили, из ружья стреляли, курили, вечером купались и лопали уху вместо обеда. (А. Аверченко. Дети.)

Вмонтированное в условную конструкцию слово "сейчас" актуализирует ситуацию параллельного мира, в котором на авансцене событий (одновременно с описываемым положением дел) вдруг появляются родители детей, вволю хлебнувших бесконтрольной жизни.

Для более четкой демонстрации фактов существования параллельного мира, как бы совпадающего с настоящим временем, и мира воображаемых перспектив, нацеленного в будущее, сгруппируем нижеследующие примеры по двум соответствующим направлениям:

А. Параллельный мир

1. Какая была бы разница, если бы Илья не бегал за лисицами и волками, а лисицы и волки бегали бы сами по себе, а Илья бегал бы по дорожке от флигеля до дома?

Никакой, кроме удобства и спокойствия лошадей. (Л. Толстой // И. Л. Толстой. Воспоминания.)

2. Если бы он был не в трусах, а в брюках, то уже теперь сунул бы руки в карманы и так походил бы - хотелось. Но лень было надевать брюки, не лень, а совестно суетиться. (В. М. Шукшин. Упорный.)

3. Да если бы у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я водиться? (А. С. Пушкин. Скупой рыцарь.)

4. Как дважды два, она [Катя] доказала, что я к ней равнодушен, что "это мне только кажется", и что если бы на ее месте в данную минуту была бы другая девушка, я бы и ее поцеловал (В. Каверин. Два капитана.)

5. Если бы в последнее время бабушка не занималась бы спортом, то сейчас бы обязательно упала в обморок, причем очень глубокий (Л. Давыдычев. Руки вверх, или Враг №1.)

Наречия "теперь", "сейчас" и сочетание слов "в данную минуту" выступают в качестве индикаторов сосуществования двух миров - реального и воображаемого.

Б. Мир видов на будущее, определяемый условиями, при которых он мог бы реализоваться:

1. Дали бы мне миллион рублей! - сказал второй пассажир, суча ногами. - Я бы им показал, что делать с миллионом. (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.)

2. Спит он [Краснухин] до двенадцати или до часу дня, спит крепко и здорово... Ах, как бы еще он спал, какие бы видел сны, как бы развернулся, если бы стал известным писателем, редактором или хотя бы издателем! (А. П. Чехов. Тс-с-с!..)

3. Под плащом он всегда держал на всякий случай кинжал, и если бы по дороге на него было бы произведено нападение, помощник счетовода захотел бы жутким, зловещим смехом и всадил бы кинжал в грудь негодяя по самую рукоять. (А. Аверченко. Страшный человек.)

4. Если бы наступил самый счастливый день, Михаська... купил бы сразу четыре порции мороженого.
Он прошелся бы по улице от нечего делать, ну, а потом можно было бы совершить какой нибудь подвиг. (А. Лиханов. Чистые камешки.)

Приведенные иллюстрации своим содержанием "вписываются" в сферы возможных миров, реальность которых опосредована определенными условиями.

Выявление параллельного мира и мира воображаемых перспектив особенно четко воспринимается на фоне среза "мира упущенных возможностей".

2.1.7. Пространство Мира упущенных возможностей

Условные предложения "Мира упущенных возможностей" несут информацию о действиях, которые могли бы иметь место в прошлом, но по ряду причин не состоялись и остались лишь гипотетически возможными:

"Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово - я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!" (И. С. Тургенев. Ася.)

"Были бы вы живы, - прошептала мать в землю, своим мертвым сыновьям, - были бы вы живы, сколько работы подедали (бы), сколько судьбы испытали! А теперь что же, теперь вы умерли, где ваша жизнь, какую вы не прожили, кто проживет ее за вас?.." (А. Платонов. Мать.)

Приведенные примеры, безусловно, демонстрируют принадлежность описываемых в них ситуаций к миру несбывшихся надежд и нереализованных возможностей. Точно такой же вывод можно сделать и по следующей иллюстрации:

- Отца кормить надо, он с войны пришел, а вы добро портите... У нас в кожуре за целый год сколько пищи-то пропало?.. Если бы свиноматка у нас была, можно б ее за год одной кожурой откормить и на выставку послать, а на выставке нам медаль бы дали... Видали, что было бы, а вы не понимаете... (А. Платонов. Возвращение.)

Не по возрасту рассудительный мальчишка военной поры завидует наградам вернувшегося с фронта отца, и в возможном мире, в котором картофельная кожура срезалась бы потоньше, а все пищевые отходы рационально использовались, он бы тоже ходил с медалью.

Нереальное условие позволяет судить о сложившемся в действительности положении дел, которое может оказаться антонимичным

по отношению к нереализованной, но в прошлом потенциально допустимой возможности:

"Он (Пушкин) писал бывшему лицеисту Малиновскому: «Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история, роковая пуля встретила бы мою грудь - я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России". (А. Слонимский. Пушкин и Пушкин.)

"Размышляя тогда, и теперь очень часто о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: "Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз, и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю?" (И. И. Пущин. Записки о Пушкине.)

Гипотетически можно представить Пушкина и на Сенатской площади, и в сибирской ссылке, но это будет уже другой мир.

Сознание способно "разрабатывать" сценарии вполне реальных действий, которые могли бы иметь место при "смещении" миров, но этим вымышленным "картинам" суждено остаться за пределами исторической правды.

Сфера нереализованного вызывает к жизни глубокие философские раздумья над сложнейшими проблемами человеческого бытия на зыбкой грани возможного и реального, случайного и необходимого.

В этой связи вызывает интерес пример, почерпнутый нами из рассказа известного прозаика В. Солоухина, в котором писатель развернуто рассуждает над судьбами двух молодых людей - Сергея и Татьяны. В. Солоухин пытается угадать, как сложилась бы их жизнь, если бы они поженились, кто бы у них родился, кем бы работали дети, когда сами бы выросли, где бы они жили и т. д. Но Сергей и Таня по чьему-то совету не стали мужем и женой. Обращаясь к давшему совет В. Солоухин пишет: "Что же произошло? А то, что... вы передвинули рычаги, перевели очень важные стрелки, а теперь несколько поездов понесутся в пространстве и времени другими путями, нежели они понеслись бы без вашего совета, о котором вы, проснувшись на другой день, возможно и не вспомните". (В. Солоухин. Девочка на урезе моря.)

Мир упущенных возможностей чрезвычайно характерен для стереотипов русского национального мышления. (Ср. с известной поговоркой: "Русский человек [мужик] задним умом крепок".)

Условные конструкции выполняют роль триггера, с помощью которого миры упущенных возможностей инициируются в языковом пространстве, вызывая достаточно детализированные "картины нереализованного":

"Чуть не утонул, - подумал он [Иван Петрович], отходя в сторону, под защиту ледяной стены, - будь немножко темнее, и попал бы, - и его схватила радость человека, избавившегося от опасности. - Впрочем, может быть, и лучше было бы, ведь я должен умереть, я же ищу смерти", - подсказал ему другой, уже более слабый голос.

И он начал себе представлять, что было бы, если бы он утонул. "Еще, может быть, не нашли бы. Было бы безвестное отсутствие - второй повод к расторжению брака", - вспомнил он красноречивого адвоката. (И. А. Толстой. Одним подлецом меньше.)

- Я тебя по-всякому просила - оставь ты нас в покое. У меня семья, дети, я... Что же с собой могла поделаться тогда... коли не тебя, а его полюбила.

- Врешь, - повторил Давыдов. - За меня б вышла, коли б не посадила меня перед войной.

- Никогда! - воскликнула женщина. (А. Иванов. Жизнь на грешной земле.)

"Эх, дура я, дура! И зачем я не пошла в спецшколу, когда мне предлагали? - говорила тоненькая Саша. - Мне предлагали в спецшколу энкаведе, - наивно разъяснила она, поглядывая на всех с мальчишеской беспечностью, - осталась бы я здесь, в тылу у немцев, вы бы даже ничего не знали. Вы бы тут все как раз зажурились, а я себе и в ус не дую. "С чего бы это Сашка такая спокойная?" А я, оказывается, здесь остаюсь от энкаведе! Я бы этими дурачками из гестапо, - вдруг фыркнула она, с лукавой издевкой взглянув на Вырикову, - я бы этими дурачками вертела, как хотела!" (А. Фадеев. Молодая гвардия.)

Если бы не революция, разве я пошел бы в дети лейтенанта Шмидта, как вы думаете? Ведь я был богатый человек. У меня была семья и на столе никелированный самовар. А что меня кормило? Синие очки и палочка. (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.)

Если бы я играл в Васюках, - сказал Остап, - сидя на таком стуле, я бы не проиграл ни одной партии. Энтузиазм не позволил бы. (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев.)

Мир упущенных возможностей пронизан чувством сожаления о

том, что события, которые могли бы иметь место в действительности, не реализовались.

2.1.8. Ирреальный мир

Ирреальный - это "иной" мир, мир, построенный на фантазии. Фантазия противопоставляется первичному (реальному) миру, ибо ее образы не только "не присутствуют налицо", но и не могут быть обнаружены в действительности; они являются принадлежностью воображения. По одному из определений, воображение - это "способность придавать идеальным образованиям ту внутреннюю связность, которая присуща реальности". Дж. Р. Р. Толкиен, теоретик мифопоэтики, видит в таком толковании слова "воображение" неправомерную ограниченность: "Восприятие образа, способность осмыслить и проследить его внутренние связи и - как условие - способность выразить его, могут различаться по четкости и силе, но это различие количественное, а не качественное. А вот способность найти такое выражение, которое наделяло бы (или казалось бы наделяющим) образ "внутренней связанностью реальности" (что означает: обнаруживать вторичную веру, очевидность вторичного мира), есть нечто иное, она должна носить другое название: "искусство" - связующее звено между воображением и конечным результатом, соучастие в творении, сотворчество (sub-creation)" (Толкиен 1991:277-278). По мнению писателя, необходимо поставить слово "воображение" на более высокую ступень, присоединив к традиционной трактовке термина "воображение" оттенок "ирреальности" (то есть несхожести с первичным миром), непоработанности наблюдаемыми фактами, одним словом, фантастичности.

Фантастичность всегда поражает своей неординарностью, необычностью. Вместе с тем, фантазия не разрушает и даже не оскорбляет правду жизни, она также не умаляет восприятие научной истины и не мешает этому процессу. Толкиен считает, что если бы вдруг наступил такой момент, когда люди не захотели или не смогли бы воспринимать правду, тогда и фантазия была бы невозможна - она прекратила бы быть фантазией и превратилась бы в безумие (Указ. соч.: 284-285).

Фантазировать - естественная потребность, которая проявляется у человека в самом раннем возрасте и сопровождает его всю жизнь (правда, не у всех людей это "искусство" развито в равной мере, но оно, в принципе, воспитуемо). В связи с коренными соци-

альными преобразованиями в нашей стране некоторые "ультрареволюционные" педагоги выступили с резкой критикой сказки как художественного жанра - взамен "небылиц" они предлагали "простые реальные рассказы, взятые из мира действительности и природы". Защитником фантазии выступил известный литературный критик и писатель К. И. Чуковский. Вот как Корней Иванович отстаивал необходимость известной книги "Приключение Мюнхгаузена": "...Именно при помощи фантазии и сказок эта книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым встречают они каждую авантюру Мюнхгаузена, свидетельствует, что ложь им ясна. Они именно потому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям реальность" (Чуковский 1957:176). Фантазия развивает чувство юмора, ее причудливые формы заставляют под определенным углом зрения оценивать и реалии действительности.

Разумеется, что факты фантазии присутствуют не только в произведениях особого литературного направления, но и в обычной человеческой речи, когда носители языка преднамеренно обращаются в мыслительную ипостась мира, который живет и действует по законам собственной логики.

Ирреальный мир подразделяем на:

А. Нереальный, но "земной" мир.

Эту сферу обеспечивают контрфактические ситуации, представляемые условными предложениями, antecedentes и consequents которых не имеют места в действительности. Однако эта нереальность обусловлена не чем-то сверхъестественным, чего в природе не может быть, а просто тем, что "у нас так не делают", "так не поступают".

Если бы выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы в музее
торчали ротозеи.
Еще бы - такое
не увидишь и в века.
(В. Маяковский. В.И. Ленин).

"Если бы не они [женщины] со своими кавалерами - театры бы пустовали, издатели модных книг разорвались бы, а телефонистки на центральной станции жирели бы от бездействия и тишины". (А. Аверченко. Алло!)

"Обществу было бы приятно, если бы правительство сослало бы всех мужей на Сахалин". (А. П. Чехов. Мститель.)

"Чего-чего, а есть Иван умел. И если бы за это умение давали звания, то Иван был бы примерно подполковником. Так что бутерброды он уничтожил быстренько". (Л. Давыдычев. Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова.)

Переведенные в плоскость изъясительного наклонения, указанные модели могли бы быть разыграны в театре абсурдов (драма абсурда с ее гротескно-комическими ситуациями - одно из проявлений авангардизма в западноевропейской драматургии 50-60-х гг. 20 века). Вместе с тем, особо подчеркиваем "некосмический" характер этих действий. Так, например, в лондонском Музее мадам Тюссо действительно "выставляются" фигуры известных деятелей коммунистического движения, а в различных конкурсах и соревнованиях определенным образом поощряются люди, способные поглотить большое количество пищи. Так в Книгу рекордов Гиннеса за 1988 г. (раздел "Рекорды обжорства") занесен американец Питер Даудвелл, который съел 96 сосисок за четыре с половиной минуты.

Б. Алогичный мир.

Алогичный мир - это "иной" мир в полном смысле этого слова. Условные предложения данного подтипа несут информацию о неправдоподобных ситуациях и событиях:

"Отец обожал маленьких детей. Сам пеленал, купал и наверняка кормил бы грудью, если бы она у него имелась." (Комсомольская правда, 5.10.99).

"Фигуры (в костюмах Евы) кокетливо улыбаются и вообще имели такой вид, что, кажется, если бы не обязанность поддерживать подсвечники, то они прыгнули бы с пьедестала и устроили бы в комнате такой дебош, о котором, читатель, даже и думать неприлично. (А. П. Чехов. Произведение искусства.)

"Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, еще лучше, как веер - тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась и все в порядке!" (Л. Кэррол. Алиса в стране чудес. В пересказе Б. Заходера.)

Примеры, описывающие ирреальные миры, можно было бы умножить:

Если бы почтовые ящики знали, как часто люди обращаются к ним за решением своей участи, то не имели бы такого смиренного вида. (А. П. Чехов. Любовь.)

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников. (Сочинения Козьмы Прутков. Афоризмы.)

Если бы у Ильи Самойловича потребовали для благополучия [дочери] отдать на отсечение руку (но только левую, правой он должен был писать), он ни на секунду не задумался бы. (А. И. Куприн. Детский сад.)

Должно быть, если бы сейчас лошадей из конюшни пригнали бы в кабинет, так же бы они пятились, дыбились и храпели в страхе. И так же бы, как из Аржанова с Опенкиным, клещами бы из них слова не могли вытянуть капитан Нечёса. (Е. Замятин. На куличках.)

Пропусту говоря, тетя эта была страшная злока. Если бы решили есть людей, то она в первый же день съела бы человек пять. (Л. Давыдычев. Многотрудная... жизнь Ивана Семенова.)

Второклассник и второгодник Иван Семенов представляет, как бы было хорошо, если бы голова отвинчивалась: "Пришел в класс, спойненько сел бы на свое место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы ее в парту.

Идет урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова - где? В парте! (Л. Давыдычев. Многотрудная... жизнь Ивана Семенова.)

Разграничение рассмотренных выше подмиров не абсолютно. "Самый отчаянный фантаст и визионер не "творит" свои образы, но слагает их, комбинирует, синтезирует из реальных данных и реальных компонентов опыта. Поэтому в самом безумном и нелепом представлении всегда можно найти какой-то пусть ничтожный, но все же реальный эквивалент" (Асмус 1968:30-31).

"Ах, - говорил Бендер, - высочайший класс!

Если бы я был женщиной, то делал бы такому мужественному красавцу, как вы, восемь процентов скидки с обычной цены". (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Размышляя о фактах фантазии, философ начала XX века не мог и предположить достижений современной медицины по изменению пола человека.

Тем не менее, данный тип условных предложений представляет мир наиболее удаленный от мира действительности, и фильтром, позволяющим отделить реальный мир от нереального, является здравый смысл.

Таким образом, подход к сослагательному наклонению через семантику возможных миров позволил более дифференцированно показать природу отражаемых в языке условных действий.

Изучив корпус высказываний, в состав которых входит глагол в сослагательном наклонении, приходим к выводу о том, что словоформа глагола на "-л" + частица "бы" участвует в изображении разных по своему характеру возможных миров. Это - ближайший мир, возможный мир, мир "чужих" ролей, параллельный мир и сфера воображаемых перспектив, мир упущенных возможностей, ирреальный (алогичный) мир.

Первое из перечисленных в этом списке пространств наиболее приближено к действительности, но, будучи представлено гипотетически (Если бы – то), оно смещено относительно мира "здесь" и "сейчас" по месту и времени. Наиболее отдален от реальности алогичный мир.

Если первый из "набора" миров признается и описывается всеми носителями языка, то последний - в большинстве случаев - является продуктом индивидуально-творческой фантазии.

Раздел 2

2.2.1. Условные предложения и иные миры

Итак, анализ предложений, в состав которых входит глагол в сослагательном наклонении, показывает, что с помощью определенного языкового знака говорящий способен конструировать высказывания, которые соотносятся по степени их адекватности фактически возможному положению дел по шкале с двумя крайними позициями, одна из которых допускает реальную возможность совершения действия, а другая указывает на его абсолютную невозможность.

Однако, словоформа глагола на "-л" + частица "бы" - не единственное средство репрезентации возможных миров. Рассмотрим другие варианты их вербальной объективации. При этом следует особо подчеркнуть, что в настоящей работе мы лишь ставим проблему выявления возможных миров языковыми средствами, обозначаем контуры этой проблемы, надеясь, что наше исследование послужит платформой для дальнейших изысканий в этой области.

Обратимся к модели, устанавливающей условно-следственные отношения (и в этом плане сопряженной с указанной выше схемой), но не содержащей частицу "бы" и не требующей употребления глагола на "-л". Речь идет о так называемых условных предложениях, образуемых с помощью союзных средств: "Если ... то". Для того, чтобы отличить этот тип условных предложений от выражений, включающих форму сослагательного наклонения, предлагается именовать их "чисто" условными предложениями.

В "чисто" условных предложениях союзное средство "Если ... то" сопоставляет условие (то, что может произойти) и следствие (что может быть в результате выполнения данного условия). По мнению логиков, союзное средство "Если ... то" предполагает, что одно событие или состояние является основанием другого. Утверждая "Если ... то" мы имеем в виду случаи, исключающие такие ситуации, когда то, о чем заявлено в основании, имеет место, а то, о чем говорится в следствии, отсутствует (Горский, Ивин, Никифоров 1991:189). Иными словами, мы вновь возвращаемся к формуле "Если P, то q", где P - antecedent (условие), а q - consequent (или следствие), с той лишь разницей, что остаются в стороне выражения, представляющие нереальные условия (*conditio irrealis*), а в фокусе внимания окажутся предложения, выражающие реальные условия (*conditio realis*) или модели, содержащие потенциальные условия (*conditio potentialis*) (Павилёнис 1975:16).

Анализ таких предложений был начат философами древней Стои. Еще Хрисипп (281 - 208 гг. до н. э.), один из основателей знаменитой философской школы в Стое, сводил все умозаключения к ряду простейших модусов - недоказуемых силлогизмов, первым из которых был силлогизм "Если P, то q, но P, следовательно q" (Степанов 1995:101). Интерес логиков к условным предложениям не угасает и по сей день (работы Г. фон Вригта).

Было выявлено, что схема "Если P, то q" выражает ситуации: 1) имеющие строго закономерный характер (Если тело подвергнуть трению, оно начнет нагреваться); 2) выявляющие причинные связи (Если Луна в новолуние находится в узле своей орбиты, наступает солнечное затмение); 3) указывающие на связь и взаимозависимость в социальной сфере (Если меняется базис, меняется и надстройка); а также 4) утверждающие другие ситуации, не связанные с общими законами и связями, но, тем не менее, реализующиеся по схеме "Если P, то q" (например, констатирующие недоверие: Если вы решите эту задачу, я докажу великую теорему Ферма) (Горский, Ивин, Никифоров 1991:190).

Логиков прежде всего интересует вопрос об истинности высказываний, построенных по этой модели. Изучая смысл отношений между терминами условного высказывания, они оперируют такими понятиями, как "данные", "основание" и "причина", призванными подтвердить ту идею, что один член условной конструкции "имплицитно" другой (им недостаточно того факта, что отношение "Если ... то" верифицируется просто как реализованное, поскольку эта реализация может иметь место и в результате парадоксального совпадения). Например, кто-то говорит: "Если он придет ко мне завтра, то Эйфелева башня (немедленно) упадет". И вдруг случается так, что достопримечательность французской столицы действительно падает. Имеет ли право этот человек сказать: "Я говорил, что это случится, и это случилось!"? Разумеется, нет.

"Часто полагают, что для того, чтобы справедливо утверждать, что одно высказывание включает другое, должна существовать некоторая общность содержания, которая делает одно высказывание "релевантным" другому, - пишет Г. фон Вригт (именно ему принадлежит пример с Эйфелевой башней). - Поскольку "импликация" и "следование" являются техническими понятиями в логике, логики имеют право настаивать на некоторой "связи релевантности" между антецедентом и консеквентом. Но что касается использования "если - то" в обыденном языке, эта настойчивость будет неуместной" (Вригт 1989:6).

Лингвистов не интересует проблема истинности высказываний. Тем не менее, нельзя утверждать, что предложения обыденного языка, построенные с помощью составного союза "Если ... то", лишены логических оснований, ибо их существование регламентируется логикой здравого смысла. И только детское сознание способно породить высказывание типа: "Папа, да сруби ты, пожалуйста, эту сосну... Она делает ветер, а если ты срубишь ее, станет тихо, и я пойду гулять" (Чуковский 1957:102).

Более того, теория, которой оперируют лингвисты в сфере условных предложений, полностью базируется на логических принципах. Так, академическая Грамматика русского языка относит к разряду условных сложноподчиненное предложение с придаточным, содержащим указание на условие, при котором реализуется то, о чем говорится в главном предложении. Близость позиций грамматистов и логиков прослеживается и далее: условие, а значит и обуславливаемое, представляется говорящему как реально возможное в настоящем, прошлом и будущем, причем, наличие того, о

чем говорится в придаточном, неизбежно вызывает то, о чем говорится в главном; типичными примерами таких предложений являются формулировки законов в математике, физике и других науках, содержащие определенные условия и неизбежно вытекающие из них следствия (Грамматика русского языка 1960:321). См., например, формулировку геометрической теоремы, обратной теореме Пифагора: "Если квадрат одной стороны треугольника равен сумме квадратов двух других сторон, то треугольник прямоугольный".

Напомним читателю, что предложение с контрфактическим "если" типа: "Если бы вы повернули выключатель, свет загорелся бы" соотносится с ближайшим возможным миром. Тогда выражение, представляющее реальное условие (без дополнительного "витка" гипотетичности) следует признать воплощением максимально близкого мира - его "бытие" локализуется в области, находящейся в непосредственной близости к действительности.

См. примеры, репрезентирующие такой мир.

2.2.2. Максимально приближенный мир

- Видишь, паровоз у меня сейчас не стронется с места, а пар я открою, - говорил Подметко. Он открывал регулятор, но машина не шла.

Ольге и Лизе нужно было догадаться, отчего это происходило.

- Отсечка мала. Поверни реверс! - догадывалась Ольга.

- Ну, верно, - ухмылялся Подметко. - А вот если я сейчас разгоню машину вперед, а потом как шарахну реверсом назад, а регулятор оставлю на всем открытии, - предлагает Подметко, - то что у меня тогда получится?

- Если ты продувных кранов не откроешь, крышки цилиндров порвешь, либо дышла искалечишь, - сообщала ему Ольга (А. Платонов. На заре туманной юности).

Описанная ситуация во многом напоминает широко практикуемые сегодня в учебных целях деловые игры.

Действия, которые перечисляет машинист-наставник, физически не выполняются, но они производятся мысленно одно за другим в мире, который чрезвычайно близок к реальному. Предположим, паровоз идет на большой скорости, и от того, какие следствия прогнозируются для тех или иных гипотетических условий, в этом "наиближайшем" от действительности мире зависит и безопасность движения, и сохранность оборудования.

- Итак, что же вас заставило броситься к машине?

Гринька мучительно задумался.

- <...> Вы, очевидно, подумали, что если бочки взорвутся, то пожар распространится дальше - на цистерны. Да?

- Конечно (В. Шукшин. Гринька Малюгин).

Журналистка вполне могла бы произнести свою подсказку и в сослагательном наклонении: "Если бы бочки взорвались, то пожар распространился бы дальше... ", но она имеет в виду не контрфактическую, а вполне конкретную ситуацию, имевшую место в действительном мире, в котором бочки с горючим обязательно взрываются под воздействием сверхвысокой температуры, вызывая при этом вполне предсказуемые последствия.

"Чисто" условные предложения сближаются с условными предложениями, в состав которых включается глагол в сослагательном наклонении, тем, что формулируемая посылка приводит к однозначному выводу, но они отличаются от условных контрфактических степенью своей гипотетичности. Именно потому мир, объективируемый "чисто" условными предложениями, тесно примыкает к реальности. Предположительность его реализации - абсолютна.

2.2.3. Потенциальный мир

Потенциальность понимается как тенденция, присущая субстанции, которая при известных условиях реализуется.

"Картина" потенциального мира складывается из сценариев действий, которые могут быть вызваны к жизни при актуализации той или иной "скрытой" возможности.

1) Одна и та же схема "Если P, то q" способна наполняться разным семантическим содержанием:

- Стойте! - крикнул Дубровский. - Дураки! Что вы это? Вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостлив, я буду просить его. Он вас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать? (А. С. Пушкин. Дубровский.)

Естественно было предположить, что в том возможном мире, где люди бунтуют и разбойничают, на царскую милость рассчитывать не приходится.

См. также:

Если же я нарушу ... священную клятву, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты (А. Фадеев. Молодая гвардия).

Оба приведенных выше примера предполагают последствия непроизвольных действий и поступков.

2) В других случаях высказыванию, реализованному по формуле "Если P, то q", присуще значение предостережения или угрозы:

Я стану вас преследовать всегда

Везде... на улице, в уединенье, в свете.

И если мы столкнемся ... то беда

(М. Ю. Лермонтов. Маскарад)

Я посмотрю, как ты сумеешь взять что-нибудь из колхозной конюшни без ведома правления! Во-первых, не дадим, а во-вторых, если и возьмешь - будешь отвечать по суду (М. Шолохов. Поднятая целина).

Ежели не напишешь [расписку] - застрелю как вредного гада, а потом пойду за тебя в тюрьму хоть на десять лет (М. Шолохов. Там же).

Как видим, иногда соотносительное слово "то" в союзном средстве "Если ... то" может опускаться, но его отсутствие не разрушает условно-следственную связь.

3) В ином контексте союзное средство "Если ... то" диктует мысль о потенциальной уступке:

- Одним словом, если вы за это время внесете деньги... Вы меня понимаете?

- Что же не понять, - откликнулся Кузьма (В. Распутин. Деньги для Марии).

4) По указанной схеме человек разбирается в окружающей обстановке, и "Если P, то q" выступает в роли возможных ориентиров:

Это были двоюродные сестры Иванцовы, которых по сходству фамилий путали с сестрами Иванихиными, Лилей и Таней, - с "Первомайки". Была даже такая поговорка: "Если среди сестер Иванцовых ты видишь одну беленькую, то знай, что это сестры Иванихины" (А. Фадеев. Молодая гвардия).

5) Таким же образом могут быть обозначены правила поведения, предписываемые окружающим:

- Если я прихожу домой ... усталый, грязный - то се, я должен первым делом видеть энергичную женщину. Я ей, например: "Здорово, Маруся!" Она мне весело: "Здорово, Павлик! Ты устал?" (В. М. Шукшин. Классный водитель.)

6) Имеются ситуации, когда составной союз "Если ... то" указывает на ограниченные возможности, ожидающие кого-то в перспективе:

- Вам, - сказал он [генерал-губернатор], - досталось по жребии не хорошее место - Мертвый Култук, за Байкалом. Там живут одни только тунгусы, и ежели вы найдете там рублёную избу, то можете считать себя счастливым (А. Гессен. Во глубине сибирских руд).

7) Образ действия в определенных обстоятельствах вырисовывается в плане содержания следующего высказывания:

Если я заболею, я к врачам обращаться не стану (Я. Смеляков).

8) По формуле "Если P, то q" имплицитно обещания и посулы:

Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину (А. Платонов. Машинист Мальцев).

9) В семантике высказываний, организованных в том же ключе, может быть заключена идея надежд и предчувствий:

"Ежели она [Наташа] подойдет прежде к своей кухне, а потом к другой даме, то она будет моею женой," - сказал неожиданно себе князь Андрей, глядя на нее. Она подошла к кухне (Л. Н. Толстой. Война и мир).

10) Наконец, нами зарегистрированы высказывания, маркированные значением гипертрофированных опасений. Герой чеховского рассказа "Человек в футляре" рассуждает так:

"Если учитель едет на велосипеде, то что остается ученикам? Им остается только ходить на головах! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя."

Схема "Если P, то q" рисует в сознании Беликова ужасные последствия в их развернутом виде, причина которых - езда на велосипеде, на которую нет директивного распоряжения.

В логике известно понятие "фактора веры", когда носитель языка необоснованно верит, что провозглашаемое им условие обязательно повлечет за собой определенное следствие. В этом случае возможные миры, реализуемые по схеме "Если P, то q", носят алогичный характер, и, как показывает пример, их языковые выражения способны вызвать юмористический эффект. "Фактор веры" и закономерность причинно-следственной связи - разные вещи.

Если в Максимально близком мире реальное условие вызывает предсказуемое следствие, и множество закономерностей причинно-следственного характера поддается исчислению, то Потенциальный мир представляет собой пространство с невероятно широким диапазоном вероятностей, существующих в потенции: от метеорологических (Если завтра будет хорошая погода, то поход в горы состоится) - до ситуативно-личностных, зависящих от настроения и душевного состояния носителей языка (Если он постучится еще раз, то я не открою дверь). Но даже ничтожно малый набор описанных нами ситуаций Потенциального мира интересен своей виртуальной природой, способностью обозначить то, что в сознании человека "проигрывается" в виде сценариев возможных действий.

Выражения, построенные по формуле "Если P, то q", имеют универсальный характер, они встречаются практически во всех языках мира, поскольку универсальна сама идея соположения причины и следствия, условия и вывода.

А. Вежбицка убедительно доказывает, что понятие "если" существует и в речи людей, быт которых значительно отличается от европейского стандарта. Так, например, в языке австралийских аборигенов имеется особый индикатор, с помощью которого та или иная ситуация маркируется как предположительная. Даже далекие от современной цивилизации жители австралийской глубинки "дают описания воображаемых и гипотетических картин" (Вежбицка 1998: 303). Следовательно, любое сознание способно порождать "возможные миры", так как "гипотетические картины" являются атрибутами таких миров.

2.2.4. Схема "Частица "бы" + инфинитив" и выражаемые ею фрагменты возможных миров

Схема "Частица "бы" + инфинитив" принадлежит набору обще-признанных средств выражения желательности в русском языке. Она маркирована модальностью желания или оптативной модальностью, которую можно квалифицировать как субъективную, т. е. выявляющую отношение говорящего к положению дел, ситуации или событию, выступающих в качестве объектов желания (Шишкина 2001:6-7; 43).

"Человеческие желания - это ... феномен нашего языка и нашего языкового сознания. За ними стоит, в них репрезентируется, их детерминирует целый комплекс факторов, среди которых: 1) экстралингвистические (внешний мир во всех его проявлениях, "мир - не - Я" как источник желаний личности); 2) психолингвистические (репродукция фрагментов внешнего мира в психике индивидуума - в "мире - Я" и формирование желаний); 3) коммуникативно-прагматические (система регуляторов перехода информации о желаниях из "мира - Я" в "мир - не - Я"); 4) собственно языковые (система знаков-репрезентантов, фиксирующих "выход желаний" в языковую действительность, то есть в сферу соединения двух миров)" (Алтабаева 2001:145).

В Словаре современного русского литературного языка указывается на то, что частица "бы" в сочетании с неопределенной формой глагола означает различные оттенки желаемого действия: Ах, тетенька, голубок! Вот бы поймать! (А. Островский. Не было ни гроша...); Жарко, дедушка Лодыжкин... Нет никакого терпения! Искупаться бы! (А. Куприн. Белый пудель); Вам бы вступиться за Павла-то! - воскликнула мать, вставая. - Ведь он ради всех пошел (М. Горький. Мать). Отсюда, по В. И. Далю, - "быкать" - приговаривать условно "бы", желать чего нет, несбыточного (Даль 1994:844).

Вполне понятно, что частица "бы" выступает в качестве "указателя" на тот возможный мир, который в данный момент не актуализируется, но является желаемым:

... Сижу и думаю: хорошо бы пройтись босиком по селу! - учитель говорил искренне. - Ах, славно бы! А вот не пройдешь... (В. Шукшин. Дебил).

Очерчивая "мир желаний", предложения данного типа сообщают о стремлении выполнить то или иное действие, реальное совершение которого остается в "полосе вероятности" или вовсе не допустимо (как в нашем примере: "Ах, славно бы! А вот не пройдешь...").

Кроме "Мира желаний" проанализированный нами корпус примеров позволяет выявить другие "миры", языковая реализация которых выстраивается по той же схеме: частица "бы" + инфинитив.

Должный мир, не ставший реальностью

Обратимся еще к одному рассказу В. М. Шукшина "Обида", в котором есть такие строчки:

Он [Сашка] не знал, что делать. Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к черту.

Дальнейший ход повествования показывает события, диаметрально противоположные возможности ретироваться - "пожать плечами" и "уйти". То, как следовало бы разумно поступить, противопоставляется реальному развертыванию "действий - наоборот": походя обиженный и оскорбленный человек готов пойти на преступление. Следовательно, "тут бы пожать плечами, повернуться и уйти" представляет возможный (а еще точнее - наиболее правильный) вариант поведения героя рассказа, который не был реализован.

Ср. также:

Еще бы ей оставаться безразличной! По точным сведениям, принесенным Луцлихой, тот самый цыган, который так ловко обманул председателя колхоза, оказался не таким-то простым цыганом (А. Калинин. Цыган).

См. другие иллюстрации на ту же тему:

Ну, да я на тебя не сержусь, а приехал специально за тобой потому, что послала мамка. А то бы я наплевать на тебя хотел... Ей-богу (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

В должном (по мнению говорящего) мире ему надо было поступить так-то и так-то, но в действительности он поддается настояниям матери, то есть "наплевательской" интенции героя не суждено было воплотиться в жизнь.

Будущее наших детей, нашего народа - в руках учителя, в его золотом сердце. Надо бы, завидев его на улице, за пятьдесят метров шапку сымать за уважение к нему. А я?... (А. Фадеев. Молодая гвардия).

- ...А хозяйственник?! - сказал Валько одновременно возмущенно и восторженно. - Вот уж кому [бы] ... памятник поставить, так это ему (Там же).

У В. В. Маяковского читаем:

... И мне бы
 строчить
 романсы на вас -
доходней оно
 и прелестней.
Но я
 себя
 смирля,
 становясь
на горло собственной песне

(Во весь голос).

То есть, романс, как художественный жанр, остается за пределами творчества поэта, на деле ушедшего "на фронт /из барских садоводств/ поэзии".

Мир прожектов и предполагаемых решений

В качестве доказательства существования этого мира остановимся на следующих литературных примерах:

К пятидесяти годам надо иметь ... кафедру в Москве, свору учеников и огромное число работ. Не к пятидесяти, а к сорока пяти. Придется, конечно, поработать, но ... почему бы не поработать!

(В. Шукшин. Шире шаг, маэстро!)

Призыв, обращенный к себе, - "Почему бы не поработать!" воспринимается как план действий, направленных на выполнение поставленной задачи - стать известным человеком, добиться всего в жизни.

Знаменитая грибоедовская фраза "Собрать все книги бы да сжечь!" так же содержит в себе решение вопроса о том, что делать с крамолой, порождаемой просвещением.

В Кресты бы

тех,

Кто ездит в plombированном!

(В. Маяковский. В. И. Ленин).

Говоря о возможных мирах, объективируемых частицей "бы" с последующим инфинитивом, можно было бы наметить контуры таких миров, как: а) Мира грез, лишенных права на существование: Эх, придумать бы такую специальную ручку, чтобы сама уроки делала (Л. Давыдычев. Многотрудная... жизнь Ивана Семенова); б) Сферы возможных поступков и действий, вызывающих осуждение: Им бы только позубоскалить! (А. Малюгин. Старые друзья); Ему бы только на печи лежать! (из русских сказок) и некоторых других.

2.2.5. Мыслительные пространства, выявляемые в сравнениях

Возможные миры реализуются также в сравнениях, формируемых в составе придаточных сравнительных в сложноподчиненных предложениях и репрезентируемых с помощью союзов "как если бы", "как бы", "как", "как будто бы", "как будто", "словно", "точно", "подобно" и т. д.

Человек начинает понимать миропорождающую функцию союзов сравнения с самого раннего детства. К. И. Чуковский пишет, что его правнучка Маша, начиная с двухлетнего возраста, выражала свое тяготение к фантастическим представлениям о мире при помощи слова "как будто", хотя при этом уже хорошо могла отличать правду от вымысла (Чуковский 1957:112).

Союзы сравнения привлекали внимание лингвистов-классиков. Так А. М. Пешковский писал по поводу союза "будто бы": "Значение этого союза определяется происхождением его из "будто + бы", так что в нем заключается не просто указание на то, что мысль не принадлежит говорящему (значение союза "будто"), но и прямое сомнение в осуществлении мысли (частица "бы")" (Пешковский 1956:486). В. В. Виноградов относит союзы подобного рода к союзам с модальной окраской гипотетичности и ирреальности (Виноградов 1975:86). Академическая Грамматика русского языка группирует сравнительные предложения (в зависимости от характера заключающихся в них сравнений) по двум направлениям: согласно первому, сравнение состоит в уподоблении того, о чем говорится в главном предложении, тому, что действительно происходило, происходит или будет происходить; согласно второму - то, о чем идет речь в главном предложении, сопоставляется с чем-то похожим, подобным, напоминающим сравниваемое, но при этом не только возможным, но и воображаемым и даже фантастическим: 1) Служите мне, как вы ему служили (А. С. Пушкин. Борис Годунов); 2) Я оробел и ждал

графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра (А. С. Пушкин. Выстрел); Дед относился к Митрию двояко, словно перед ним было два человека (Ф. Гладков. Повесть о детстве) (Грамматика русского языка 1960:340).

Рассуждения о том, что в придаточных сравнительных предложениях, с одной стороны, имеет место уподобление "тому что действительно происходит, происходило или будет происходить", а с другой, что сравнение возможно с чем-то воображаемым и даже фантастическим, позволяют дифференцировать основания, на которых осуществляется мыслительный процесс подбора аналогий ("аналогия" по-гречески означает "соответствие", "подобие", "сходство"). Но в обоих случаях фиксация аналогий представляет собой транзит в возможные миры. Союзы "как будто", "будто", "как если бы", "как", "словно", "точно" являются теми рычагами, посредством которых сознание носителей языка переключается от мира действительности в иное мыслительное пространство. Они - манифестаторы, "предвестники" ожидаемого сопоставления того, что есть, с тем, на что это данное похоже.

От сравнений, используемых в повседневной жизни и в художественной литературе, не требуется строгость и точность аналогий, применяемых в научной сфере; у них другая задача: они оцениваются не по критерию истинности, а по силе художественного воздействия (Горский, Ивин, Никифоров 1991:13).

Опираясь на идею, предложенную академической Грамматикой русского языка, заявим о существовании двух возможных миров в области образных сравнений: Мира реальных и Мира фиктивных аналогий.

Мир реальных аналогий

Миру реальных аналогий соответствуют следующие ситуации:

Вронский часто видел устремленный на него внимательный и недоумевающий взгляд ребенка ... , как будто ребенок чувствовал, что между этим человеком и его матерью есть какое-то важное отношение, значения которого он понять не может (Л. Толстой. Анна Каренина).

В сравнении, вводимом в этом предложении союзом "как будто" (как и в последующих примерах данного цикла) нет ничего фантастического - именно по этой причине мы соотносим реализуемое

здесь сопоставление с Миром реальных аналогий. Приведенный образец интересен еще и тем, что в нем пересекаются несколько "миров": мир действительности (выражаемый в главном предложении) и возможный мир (в придаточном). В свою очередь, возможный мир интерпретируется как бы с двух точек зрения: и с позиции мальчика, и с позиции взрослого человека.

И по одному только этому взгляду невольны просиявших глаз ее [Кити] Левин понял, что она любила этого человека, понял так же верно, как если бы она сказала ему это словами. Но что же это за слова? (Л. Толстой. Анна Каренина).

Союз "как если бы" апеллирует к той возможной ситуации, в какой слова (если бы они были найдены и произнесены) подтвердили бы невербально выраженное чувство.

На выезде к площадке стояла фуфлыгинская коляска. Фуфлыгина сидела в ней в прежней позе, словно она с утра не выходила из экипажа. Она дождалась мужа, получавшего деньги в конторе (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Пока играет музыка, проходит целая вечность. Но когда прекращают играть, ощущение..., словно тебя облили холодной водой или застали неодоетой (Там же).

В Мире реальных аналогий человек мысленно обращается к прошлому чувственному, социальному, житейскому опыту, и "картины" пережитого (или хорошо представляемого) "реанимируются", выступая в качестве основы сравнения:

На вновь открывшийся ему мир он [Григорий] смотрел чуточку удивленными глазами... Иногда он рассматривал какой-нибудь с детства известный ему предмет хозяйственного обихода, напряженно шевеля бровями и с таким видом, словно был человеком, недавно прибывшим из чужой, далекой страны, видевшим все это впервые (М. Шолохов. Тихий Дон).

Все это вспомнилось мне, и какая-то радость встрепенулась у меня в груди, будто случилось что-то хорошее-хорошее (Н. Носов. Витя Малеев в школе и дома).

На наш взгляд, данный пример подтверждает правильность выбранного наименования рубрики для обозначения аналогий описываемого типа - реальные аналогии. С помощью союза "как" человек сопоставляет испытываемую им радость с тем праздничным чувством, которое овладевает им при душевном удовлетворении, и это чувство соизмеряется с его теперешним состоянием как с эмоциональным эталоном, заимствованным из возможного, но вполне реального мира.

Употребляя союзы сравнения "как", "как если бы", "как будто", "словно", говорящий должен быть уверен, что реципиент владеет тем же запасом знаний, что и он сам, позволяющим по достоинству оценить *предлагаемый аналог*.

Он [Печорин] сидел, как сидит бальзаковская тридцатилетняя кокетка - на своих пуховых креслах после утомительного бала (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Если кто-то не способен мысленным "оком" увидеть соответствующую "картинку", возможный мир остается не реализованным.

Мир фиктивных аналогий

План содержания сравнительных придаточных предложений, соотносимый с фактами вымысла и фантазии, индуцирует, с нашей точки зрения, Мир фиктивных аналогий (в том смысле фиктивных, что они вымышлены, мнимы, специально придуманы с той целью, чтобы порождаемый ими образ уточнял характеристику действий, описанных в главном предложении):

1) Иногда мне казалось, что все происходящее со мной - это словно бы кинофильм: вот сейчас, как иногда делают режиссеры, замелькают кадры - осень, зима, весна, лето... появится титр: "Прошло два года". (Ю. Поляков. Сто дней до приказа).

Существуют примеры и с более высоким потенциалом фантастичности:

2) Сашка как будто выпал из вихря, который приподнял его, крутанул и шлепнул на землю. Все случилось очень скоро. (В. Шукшин. Обида.)

3) Они [сыновья] поодиночке, тайно разошлись по квартире, по двору, по всей ночи вокруг дома, где жили в детстве, и там заплакали, шепча слова и жалуясь, точно мать стояла за каждым, слышала его и горевала, что она умерла и заставила своих детей тосковать по ней. (А. Платонов. Третий сын.)

4) Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут над Лениным
негры из Штатов.
(В. Маяковский. В.И. Ленин.)

5) Она [Бэла] чувствовала внутренний жар, как будто в груди у нее лежало раскаленное железо. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.)

Союзы типа "как если бы" являются репрезентаторами сценариев возможных миров, которые налагаются на план содержания предложения, отражающего действительный мир, и, вербализируя его образные аналогии, заставляют этот мир "впитывать" характеристики, присущие возможным мирам. В результате реальный мир обогащается новыми признаками, становится более содержательным. Подбор признаков, "мигрирующих" из возможных миров в действительный, зависит от характера конкретной ситуации, стимулирующей процесс уподобления. При этом возможный мир может объективироваться как синтаксическими (разово создаваемыми), так и лексическими (то есть, уже "готовыми") средствами: "Фу, Саня, от тебя двух слов не добиться. "Да" и "нет". Как будто язык проглотил". (В. Каверин. Два капитана), что позволяет задуматься над вопросом, является ли языковое пространство фразеологических оборотов своеобразным выражением множества возможных миров.

2.2.6. Мир сомнений, догадок и гипотетических допущений

Модальными характеристиками обладают не только сослагательное и повелительное, но и изъявительное наклонение. "...Если признать индикатив прямой модальной категорий реальности, нельзя не заметить в русском языке разнообразия модальных типов глагольных предложений, организованных при посредстве форм "изъяви-

тельного наклонения" в их взаимодействии с модальными частицами и модальными интонациями", - писал В. В. Виноградов (Виноградов 1975:63). Говорят о собственно модальных частицах ("авось", "вряд ли", "едва ли", "пожалуй", "чай") и модальных словах. Модальные слова - это лексико-грамматический разряд слов, при помощи которых говорящий оценивает свое высказывание или отдельные его части с точки зрения их отношения к реальной действительности.

Модальные слова могут выражать:

а) логическую оценку высказывания, реальность сообщаемого: действительно, безусловно, несомненно, конечно, очевидно, разумеется;

б) возможность, вероятность сообщаемого, сомнение в его достоверности: возможно, вероятно, наверное, видимо, кажется, пожалуй (Розенталь, Теленкова 1985:131).

По В. В. Виноградову, модальные слова и частицы, относясь ко всему предложению и выражая возможность, достоверность и т. п., оттеняют значение глагольного наклонения или определяют модальность высказывания в целом (Виноградов. Указ. соч. 77).

Как модальные сущности данные языковые единицы заставляют коррелировать мыслительное содержание высказываний, в состав которых они включаются, с семантикой возможных миров. Мы видим свою задачу в том, чтобы показать, как разные модальные слова, словосочетания и частицы видоизменяют характер этих миров.

Диапазон примеров, содержащих модально ориентированные слова, чрезвычайно широк:

I. Может быть

1) - Ну, Сергей, счастье наше, ты только слушай меня, я, брат, все знаю. Может быть, из платья что-нибудь дадут или из обуви. (А. И. Куприн. Белый пудель).

2) По этой самой лестнице, думал он [Германн], может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане..., прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливчик, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться. (А. С. Пушкин. Пиковая дама).

3) Никита долго решал и думал, где Люба взяла денег на извозчика. Может быть, она продала свои австрийские башмаки или учеб-

ную книжку (она ее сначала выучила наизусть, чтобы не нужна была), или же она заплатила извозчику всю месячную стипендию. (А. Платонов. Река Потудань).

4) Пожилая служащая телеграфа долго считала деньги... Старик кротко глядел на нее через деревянное окошко красными глазами и рассеянно думал что-то, желая отвлечь горе от своего сердца. Пожилая служащая, казалось ему, тоже имела разбитое сердце и навсегда смущенную душу, - может быть, она была вдовой или по злой воле оставленной женой. (А. Платонов. Третий сын).

Здесь, как и в предыдущем примере, "может быть", выражая степень неуверенности, соотносится как с первым, так и со вторым предположением, в равной мере указывая на их неопределенность. В других случаях "может быть" противопоставляется союзу "а":

5) - Ребята, и Вани Пахомова нет, - сказал Леня Астафьев.
- И Сережи Букатина! - закричали ребята.
- Может быть, они тоже уехали, а мы и не знаем. (Н. Носов. Витя Малеев в школе и дома).

Ср. также:

6) Людей, одиноких по натуре, которые как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало. Может быть, тут явление атакизма, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще общественным животным и жил одинаково в своей берлоге, а может быть, это просто одна из разновидностей человеческого характера, - кто знает? (А. П. Чехов. Человек в футляре).

Модальное словосочетание "может быть" (и особенно на фоне его противопоставления союзам "а" и "или") предполагает отсутствие достаточных оснований для того, чтобы считать то или иное высказывание соответствующим действительности, и данный мир - лишь один из возможных миров.

II. Кажется

Модальное слово "кажется", с одной стороны, стоит в одном ряду с "может быть", а с другой - выражает несколько большую степень уверенности в истинности произносимого:

1) - Что ты? Что ты? Печорин?.. Ах, боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. – воскликнул Максим Максимович, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкнула радость.

- Служил, кажется, да я у них недавно. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.)

В этом случае "кажется" можно приравнять к "может быть". Однако в других примерах слово "кажется" звучит по-иному:

2) - Сегодня, кажется, все с ума сошли, - проговорила недовольным голосом Надежда Васильевна, освобождаясь от объятий сестры. (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы.)

3) Еще, признаться, меня вот что печалит: она [Бэла] перед смертью ни разу не вспомнила обо мне, а, кажется, я любил ее как отец. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.)

По свидетельству В. И. Даля, "кажется" может считаться равнозначным слову "верно". (Даль 1994: II, 170).

III. Вроде, похоже

Частица "вроде" и слово "похоже" наиболее четко сориентированы на возможные миры, так как они способны актуализировать картины этих миров:

1) - Похоже, что не выдержал режима [о брате-генерале], удрал до срока. Там в новинку-то не очень приятно, а он, насколько я помню, на курорте впервые (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

2) Лишь один мой приятель-москвич злился на него (коменданта концлагеря, хорошо знавшего русские ругательства. - А. Б.). Говорит, - я глаза закрою и вроде в Москве на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится. (М. Шолохов. Судьба человека).

IV. Наверное, верно, вероятно, чай, знать.

Модальные слова "наверное", "верно", "вероятно", "чай", "знать" на шаг ближе соотносят содержание высказываний, в состав которых они входят, с реальным положением дел в мире:

1) Выросши в провинции, она, наверное, могла бы с закрытыми глазами пройти по любому такому городу, не заблудившись, насколько все они похожи друг на друга. (В. Максимов. Заглянуть в бездну.)

2) - Нехорошо, - подумал я, - верно, между ними черная кошка пробежала. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.)

3) - Верно, наши вошли в станицу, - подумал он [Клычков]. - А впрочем, может быть и иное: наши были окружены, побились-побились и сдались. Может быть, сейчас уже казаки справляют свое кровавое похмелье. (Д. Фурманов. Чапаев).

Заметим, что употребленное здесь "может быть" нацеливает говорящего на перебор существующих возможностей.

4) Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой - Боже присносуший! -
Так жестоко осужден страдать.

(Л. Гумилев. Позор)

5) Знать, напрасно это слово / Ты тогда сказала: / Обещала, что напишешь, а ... не написала. (М. Исаковский. Письмо.)

6) Штабс-капитан ... покачал головою и улыбнулся лукаво:
- А все, чай, французы ввели моду скучать?
- Нет, англичане.
- Ага, вот что! - отвечал он, - да ведь они всегда были отъявленные пьяницы (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Произнесенное "Ага, вот что!" означает, что раньше говорящий в той или иной мере был убежден, что законодателями моды скучать были французы.

V. Должно быть, очевидно

Эти слова (и им подобные: несомненно, наверняка) представляют наибольшую степень уверенности в реальности того или иного события:

1) (Очумелов – Хрюкину)

- Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь...известный народ! Знаю вас, чертей! (А. П. Чехов. Хамелеон).

... Очевидно, ходить к нам и сидеть было для него [Беликова] тяжело, и ходил он к нам только потому, что считал это своей товарищеской обязанностью. (А. П. Чехов. Человек в футляре).

Из разветвленного множества модальных слов и частиц можно выстроить своеобразную систему, объединенную общей темой, исходя из принципа возрастания вероятности совершения действия. Полагаем, что каждое из модально маркированных слов выводит их содержащие высказывания в сферу возможных миров, а выявленная градация указывает на степень "проявления" этих миров. Достаточно противопоставить один из первых примеров множества "может быть" (размышления героя "Пиковой дамы" о лестнице, ведущей в покои графини) с одной из последних иллюстраций рубрики "Должно быть" (заимствованной из рассказа Чехова "Хамелеон"). За пушкинским "может быть" стоит целостный сценарий возможных действий. Германн не знает, было ли все так, как он себе представляет, на самом деле - он "рисует" картину лишь одного варианта возможных событий, подвергая сомнению ее правдивость. Наоборот, предположения чеховского героя, вводимые словами "должно быть", менее вариативны, они приближены к действительности ("Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!"). Другие примеры, иллюстрирующие Мир сомнений и предположений, находящиеся в пространстве между указанными пограничными пунктами, в той или иной мере гипотетичны и, в соответствии с этой "мерой", удалены от Мира действительности, хотя переходы между ними не всегда четко выражаются.

В сфере гипотетических допущений особую роль играет миропорождающая потенция модальных глаголов:

1) Императору не хватало воздуха. Он не боялся ни жены, ни старших сыновей, из которых каждый, вспомнив пример веселой бабушки и свекрови, мог его заколоть вилкою и сесть на престол. (Ю. Н. Тынянов. Поручик Кижж.)

2) Выступать на "капичнике" (семинаре физиков, проводимых Капицей) считалось смертельным номером. Здешняя публика воспитана была на крови и мясе. Могли загрызть, растерзать, сжевать, выплюнув любые регалии. (Д. Гранин. Зубр.)

3) Очередь притихла. Веру побаивались: могла она и словесно перепустить и задеть неловко. (В. Распутин. Ангарские были).

Указанные допущения (независимо от того, реализовались они, или нет) имеют право на существование, исходя из знаний говорящих о реальном положении дел (о коварности потенциальных претендентов на российскую корону; о характере молодых ученых, которые в борьбе за истину не обращают внимание на должности и звания своих маститых коллег; наконец, о боевом нраве продавщицы поселкового магазина). Именно на основании знаний о положении дел Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев и называют данный тип возможности онтологической. (Булыгина, Шмелев 1997:210).

Возможные миры, отмеченные эпистемической и онтологической модальностью, оказываются, таким образом, когнитивно обусловленными. Остается лишь добавить, что Мир сомнений, догадок и гипотетических допущений по частотности в мыслительном пространстве занимает в нем одно из ведущих мест.

2.2.7. Мир возможных альтернатив

Учитывая факт, что проблема возможных миров сводится к интерпретации вероятного положения дел, можно с уверенностью прогнозировать, что союзы "или", "или...или", "ли...или", выражающие отношение взаимоисключения, будут выступать в качестве знаков таких миров.

Анализируемый материал позволяет выделить два подтипа Мира возможных альтернатив:

- 1) с индексом предостережения
- 2) с индексом предположительности.

Мир альтернатив с индексом "Резкое предупреждение"

Альтернатива определяется как необходимость выбора одного из двух (или нескольких) возможных решений. Известное изречение "Третьего не дано" имеет свое психологическое обоснование. Замечено, что при осуществлении выбора человек перебирает не все возможности, поиск его ограничен, так как, во-первых, этот поиск лимитируется возможностями фантазии и временем, которым говорящий располагает, а, во-вторых, представлениями о том, насколько соответствуют альтернативные способы действия тому, чего че-

ловек хочет и чего он боится. В результате, как правило, выбор останавливается на экстремумах, то есть, на тех альтернативах, которые необходимо непременно осуществить, или на тех, которые обязательно следует избежать (Фолмесдаль 1986:145-146).

Ф. Дж. Пелетье в работе, специально посвященной союзу "или", приводит пример с английской рамочной конструкцией "Either... or" (или...или), указывая на миропорождающую силу этого союза:

"Either you eat your dinner or I'll spank you. - Или ты съешь свой обед, или я отшлепаю тебя, если ты его не съешь".

Автор констатирует, что "когда мой сын ест свой обед в тех возможных мирах, которые принадлежат классу ближайших миров, в которых он не ест свой обед, я шлепаю его (Пелетье 1986:325).

В этой модели, с одной стороны, - выбор, стоящий перед сыном, а, с другой, - альтернатива, которую должен разрешить отец.

См. аналогичные примеры в русском языке:

- Не кричи. Подумай обо всем спокойно. Вот тебе задание: или ты выучишь сегодня уроки, или я завтра сообщаю всем, что ты УО [умственно отсталый]. (Л. Давыдычев. Многотрудная... жизнь Ивана Семенова).

В данном отрывке, равно как и в предыдущем, выявляются два взаимоисключающих мира: в одном из них Иван делает уроки, и тогда угроза остается нереализованной, а в другом - он не выполняет домашнее задание и обещание присвоить ему позорный ярлык выполняется.

См. так же:

Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! Продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка).

- ...Ни с места, говорю тебе, или я тебя опозорю, закричу *слово и дело*, созову народ, встревожу дворец, весь город. (И. Лажечников. Ледяной дом).

Что же вы думаете: я даром вас повезу? Платите деньги... или сойдите с моего вагона. (М. Зощенко. Облака).

Модель "или...или" с индексом предостережения (угрозы) носит продуктивный характер в языковой практике. См., например: "Или вы прекратите шуметь, или я позвоню в милицию!"

Важно подчеркнуть, что исходное действие, побудившее выразить резкое предупреждение, имеет место в реальной действительности, оно фактуально. К возможным мирам относятся оба варианта решения проблемы - как позитивный, так и негативный.

Мир альтернатив с индексом предположительности

Мир альтернатив с индексом предположительности может быть проиллюстрирован следующими примерами:

1) В самом ли деле он (Печорин) не мог плакать или владел собою - не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видел. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Добрый штабс-капитан выводит на первый план два варианта объяснений сдержанности Печорина: в одном возможном мире тот был просто не способен на горестное чувство, в другом - не хотел его обнажать.

2) Самовара, между прочим, там [в музейном фонде] не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю. Только самовары в продажу не поступали. (М. Зощенко. Царские сапоги.)

В меру своих представлений о царской жизни человек пытается разрешить дилемму - как же обходился с чаепитием царь, не имея в доме самовара?

3) Лиговский поезд никогда шибко не идет. Или там путь не дозволяет, или семафоров очень много наставлено - сверх нормы, - я этого не знаю (М. Зощенко. Веселенькая история).

Во всех перечисленных примерах глагол "не знаю" подтверждает лишь предполагаемый характер высказываемых мнений.

Вместо "не знаю" могут употребляться другие показатели неуверенности:

- Иногда вот говоришь или думаешь о чем-нибудь, и вдруг сердце радостно вздрогнет...

Замолчал, потом, смеясь, сказал: Мне кажется, что в такую минуту или гений родился, или кто-нибудь сделал великое дело. (М. Горький. О Стасове.)

Можно сделать вывод о том, что обе сферы ментальности существуют "на равных" и говорящий не может с уверенностью определить, какая из них соответствует реальности, а какая - вымысел.

Таким образом, Мир альтернатив предполагает разветвление вероятного течения событий, их мысленное развертывание, по крайней мере, по двум направлениям.

2.2.8. Возможный мир, репрезентируемый вопросительными предложениями

Возможный мир, репрезентируемый вопросительными предложениями представляет собой абсолютно не разработанную проблему. Наиболее близко к ее постановке подошел В. В. Гуревич в "Теоретической грамматике английского языка". Ученый констатирует, что вопросительное предложение типа "Is Peter sleeping or not?" (Спит ли сейчас Петр или нет?) содержит неуверенное предположение "может быть, спит, а, может быть, и нет". В ожидаемом ответе человек, задающий вопрос, хочет получить подтверждение того, какое из двух предположений соответствует действительности.

Та же альтернативность (к которой В. В. Гуревич приравнивает неуверенность) выражается и в ряде специальных вопросов, которые можно задать практически к любому члену предложения (Кто? - Где? - может быть, в пункте А, но, возможно, что и нет; Когда? - возможно, в момент А, но, может быть, и не в А). В так называемом общем вопросе "Isn't he sleeping yet?" (Разве он еще не спит?), кроме компонента "возможно, что не спит" звучит еще и скрытое сомнение в виде пресуппозиции - "Скорее всего, что это не так". То же самое можно сказать и в отношении к вопросам "неужели" и "разве" в русском языке, а вот вопросительно-отрицательное предложение в русском (Ветер, ветер!.. Не видал ли где на свете ты царевны молодой?), наоборот, подразумевает, что действие, названное глаголом, представляется как весьма вероятное ("вполне могло так случиться, что видел") (Гуревич 2001:43-44).

По свидетельству В. В. Виноградова, еще академик Л. В. Щерба предлагал выделить вопросительные слова в особую грамматическую

часть речи, но под влиянием критики коллег-лингвистов вынужден был отказаться от этой идеи, хотя вместе с тем заявил, что, "конечно, это не служебная категория, а какая-то особая. Может быть, модальная". По мнению Л. В. Щербы, в эту особую категорию должны войти и вопросительная частица "ли" (Виноградов 1975:75).

Учитывая сказанное выше, попытаемся продемонстрировать факт существования возможных миров в контексте вопросительных предложений:

- Тебя как зовут? - спросила она [женщина].

- Никак.

- У тебя же есть имя?

- Нет.

- Ну, не дури, а то высекут.

(М. Горький. В людях).

Задавая вопрос, один из участников акта коммуникации ожидает услышать одно имя из категории русских мужских имен и таким образом выйти из "возможных миров" в мир действительности. Ср. с высказыванием В. В. Гуревича:

"Спрашивая "Кто изобрел велосипед?", мы имеем в виду выбор из всего класса "Жители планеты", в реальности мы бы не смогли "перебрать" поочередно все элементы этого класса, однако вопросительное местоимение как раз и избавляет нас от этой необходимости, задавая алгоритм (схему) такого перебора (Гуревич. Указ. соч.:43).

Иногда работа мысли в плане подобного перебора альтернатив объективируется вербально, то есть становится явным один из предполагаемых вариантов или сразу несколько:

-...А вы кто будете? Вот как? А я думал, переодетый студент.

(М. Горький. Мои университеты.)

На вопрос "Кому живется весело, вольготно на Руси?" крестьяне из поэмы Н. А. Некрасова дают разные ответы, и за каждым ответом стоит свой "возможный мир", в котором по-своему живется вольготно и весело:

Роман сказал: помещику,

Демьян сказал: чиновнику,

Лука сказал: попу.

Купчине толстопузому -

Сказали братья Губины... и т. д.

Однако часто на поставленные вопросы не даются конкретные ответы, и возникает картина неопределенности, проблематичности, на которую указывают соответствующие вопросительные слова:

1) Вдруг Соня отстранила то зеркало, которое она держала, и закрыла глаза рукой.

- Ах, Наташа! - сказала она.

- Видела? Видела? Что видела? - крикнула Наташа. (Л. Толстой. Война и мир.)

2) Три дома на вечер зовут:

Там будет бал, там детский праздник.

Куда ж поскачет мой проказник?

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин.)

3) Но почему же все-таки Елагин так "страшно", безмерно ревновал и захотел превратить комедию в драму? На что нужно было это ему? Отчего просто не застрелил ее [Сосновскую] в один из припадков ревности? Отчего "борьбы между убийцей и его жертвой не было?" (И. А. Бунин. Дело корнета Елагина.)

Выражаясь юридическим языком, поставленные вопросы представляют собой версии убийства женщины, и пока ни одну из изложенных версий нельзя назвать главной.

Можно также отметить случаи, когда "прорабатываемые" версии размежевываются вероятными объяснениями, к которым, в свою очередь, ставятся вопросы, то есть, в сознании носителей языка происходит нечто похожее на "цепную реакцию": на вопрос дается ответ, который превращался в источник новых загадок и т. д., и вся проблемная ситуация выносится исключительно в сферу возможного и вероятного:

4) Жизнь ее [Сосновской] была сплошным томлением, непрестанной жадной уйти прочь от постылого земного мира, где все всегда не те и не то. В силу чего? В силу того, что она все это наиграла себе. Но отчего же она наиграла именно это, а не что-либо другое? Оттого, что все это столь обычно среди женщин, посвятивших себя, как они выражаются, искусству? Но отчего же это столь обычно? Отчего? (И. А. Бунин. Там же.)

Альтернативное решение предполагает и чрезвычайно распространенная в речи частица "ли":

1) А я к вам по делу, colega. Пришел пригласить вас: не хотите ли со мной на консилиум, а? (А. П. Чехов. Палата №6.)

2) ...Всякий раз, когда Ольга выходила на кухню, а потом снова заходила, Сашенька смотрела с надеждой, не принесет ли Ольга еще что поесть? Но Ольга больше ничего не дала, лишь убрала миску и вытерла стол. (Ф. Горенштейн. Искупление.)

В возможном мире проголодавшейся Сашеньке приносят еще что-нибудь из еды, она ждет этого и мысленно планирует продолжение трапезы.

3) И снова - проблема выбора:

- Не пойти ли нам домой? - спрашиваю я.

- А мне... мне нравится это катанье, - говорит она, краснея. - Не проехать ли нам еще раз? (А.П. Чехов. Шуточки.)

4) Эх, кони, кони, - что за кони? Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? (Н. В. Гоголь. Мертвые души.)

Наконец, проиллюстрируем миропорождающую потенцию вопросительной частицы "неужели".

1) Неужели нельзя было посадить к нам (имеется в виду, в купе - А. Б.) кого-нибудь без билета? (В. Распутин. Деньги для Марии.)

2) Фамилия Привалова заставила ее даже вздрогнуть... Неужели тот самый Сережа Привалов, который учился в гимназии вместе с Костей и когда-то жил у них? (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы.)

3) Он [Князев] взял кофе с молоком, булочку и ел, стоя возле высокого мраморного столика. Думал о людях и обезьянах в том смысле, что неужели люди произошли от обезьян? (В. Шукшин. Штрихи к портрету.)

Интересно объясняют употребление частицы "неужели" Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев. Вопросы с этой частицей не задаются "ни с того ни с чего"; высказывание с частицей "неужели" уместно только в том случае, когда в поле зрения говорящего попадает ситуация, не

соответствующая его ожиданиям, когда она представляется невероятной, маловероятной и неожиданной (Булыгина, Шмелев 1997:272-273).

Таким образом, по-разному называемые элементы (вопросительные частицы, вопросительные местоимения, вопросительные слова) способны выступать в роли знаков возможных миров. С их помощью человек узнает о реальном положении дел, переходит от незнания к знанию, устраняет имеющуюся у него в голове вариативность и двусмысленность.

2.2.9. Мир предписываемых действий

"Выход" в Мир предписываемых действий реализуется в языке с помощью будущего времени, которое обозначает действие, последующее по отношению к моменту речи. От всех функций будущего (употребление формы будущего времени вместо настоящего, выражение невозможности осуществления действия, обозначение повторяющихся однократных действий, употребление вместо прошедшего и т. д.) (Розенталь, Теленкова 1985:31) будущность Мира предписываемых действий отличается их воображаемой перспективой:

1) "Приеду домой, попрощаюсь с Андреем и Давыдовым, надену шинель, в какой пришел с польского фронта, и застрелюсь.

...И с необыкновенной яркостью Макар представил себе как довольный, улыбающийся Банник будет похаживать в толпе, оглаживать свои белянькие усы, говорить: "Один натянулся, ну и слава Богу! Собаке - собачья смерть!"

- Так нет же, гадючья кровь! Не застрелюсь! Доведу вас, подобных, до точки! (М. Шолохов. Поднятая целина.)

2) И вообще Проньке стало почему-то тоскливо. Представилось, как приедет завтра утром к станции битком набитый поезд, как все побегут через площадь - занимать места в автобусах... А его не будет там, и он не заорет весело на бегу: "Давай, бабка, кочегарь, а то на буфере поедешь!" (В. Шукшин. Ваня, ты как здесь?)

3) Я сел за стол, прикидывая, как буду здесь писать и что буду видеть, вскидывая глаза от бумаги и тотчас услышал громкие, выворачивающие душу наизнанку позывные "Маяка". (В. Солоухин. Кумыс.)

4) Дядя Володя расставил на доске фигуры.

- В шахматы тоже учишь, Славка. Попадешь в какую-нибудь компанию: кто за бутылку, кто разные фигли-мигли, а ты раз - за шахматы: "Желаете?" К тебе сразу другое отношение. (В. Шукшин. Вянет, пропадает.)

Приведенные в примерах конструкции с глаголами будущего времени можно назвать вербализованными представлениями. Не случайно в состав таких предложений включаются глаголы типа "представил", "прикинул". Мир предписываемых действий существует в ментальном пространстве языка как мысленное воплощение вполне реальных событий.

Но имеются случаи, когда игра воображения заходит слишком далеко:

"И тут что начнется! Серафим живо представил себе, как забегают помощники по общим вопросам..., как зазвонят все телефоны правительственной связи, личность молодого симпатичного тут же выяснят, и вот он в мягком вагоне прибывает в Москву. Номер - люкс с бассейном и попугаями. Прием в Кремле. Дружеское рукопожатие товарища Сталина. Публикации массовым тиражом поэмы "Дума о хлебе", Сталинская премия, руководящая должность в Союзе писателей и...

Он не успел додумать, что и... полетел с крыльца, нелепо взмахнув руками. (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина.)

Когда воображаемые сцены содержат нечто надуманное, неправдоподобное и несбыточное, здравый смысл не соотносит описываемые действия с "возможными мирами", они "выбраковываются" из сферы возможных миров, переходя в плоскость Ирреального мира.

2.2.10. Антимир

Последний из выделяемых нами миров получает условное название "антимир". Реализующие его высказывания, выражаемые фразеосхемой "Нет, это не (это вам не) + объект сопоставления", вызывают в сознании воображаемые картины, в которых "свой" мир (реальная действительность) противопоставляется другому миру, и этот другой:

а) принимает статус идеального, желаемого, оцениваемого со знаком "плюс", в то время как окружающая среда, о которой собственно и ведется речь, уничтожается и оценивается со знаком "минус";

б) выступает в качестве гротескного подобия, которое тут же отрицается, поскольку теперь "свой" мир находится в фокусе ценностей;

в) абсолютно не связан с миром действительности и его объектами, так как отрицаемое уподобление этого "другого" мира-действительности, строится на ошибочных представлениях о том, что может быть антонимично данному.

Нижеследующие примеры группируются по трем вышеуказанным направлениям:

а)

1. А шкафчик-то типа "гей, славяне!", - подумал посетитель. - Тут много не возьмешь. Нет, это не Рио-де-Жанейро (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

2. - Ну и грязища!

- Не в Париже! - беззлобно отвечает ему [командировочному] человек с фиолетовым лицом.

- Да уж... - соглашается командировочный и, зажав чемодан между колен, чтобы не ставить его на загаженный пол, присасывается к кружке. - Да уж, точно - не в Париже!.. - добавляет он, оторвавшись от пива, чтобы перевести дух.

Надо ли объяснять, что ни тот, ни другой в Париже никогда не были. Для них - это просто звучный символ, таинственное место <...>, где люди существуют по иным замечательным законам, где пол в пивных настолько чист, что можно безбоязненно ставить чемодан, и где посетители никогда не допивают до дна, давая возможность лиловым бомжам поправиться и захорошеть (Ю. Поляков. Парижская любовь Кости Гуманкова).

б)

1. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: "Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях, верно?" (В. Шукшин. Срезал).

2. - Ребята, у меня ребенок спит, потише бы...

Тотчас и в соседнем купе скрежетнула дверь и некая лысая голова зло и недовольно сказала:

- Как в концертном зале, честное слово! Не в концерте же (В. Шукшин. Медик Володя).

в)

1. Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу - все мое, штаны не мои.

- Граждане, - говорю. - На моих тут дырка была. А на этих эвон где. А банщик говорит:

- Мы, - говорит, - за дырками не приставлены. Не в театре, - говорит (М. Зощенко. Баня).

2. Доктор говорит:

- Китель оставьте трогать. Не в гостинице. Снимите только сапоги (М. Зощенко. Операция).

3. "Не курица, - думаю. - В Крым, - думаю, - неохота ехать. На всякие, - думаю, - трусики разорисься. Поеду куда поближе" (Он же. Чудный отдых).

В примерах группы "а" отвергается действительный мир во имя "лучшего"; в группах "б" и "в" подчеркивается неуместность аналогий с "возможными мирами". Но "взаимобратные миры" при этом не интерпретируются, они остаются в сфере имплицитного.

В область "антимиров" мы включаем и фрагменты того мира, в котором человек не "присваивает" себе "чужие роли", а, наоборот, отвергает, отторгает их:

4. - В спальне принимать пищу, - заговорил он [Филипп Филиппович] слегка приглушенным голосом, - в смотровой читать, в приемной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать. Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть. Но я не Айседора Дункан! - вдруг рявкнул он, и багровость его стала желтой (М. Булгаков. Собачье сердце).

Ср. с русскими эмфатическими восклицаниями: "Я вам не девочка!" "Я вам не мальчик!" "Я тебе не отец!" (чтобы потакать твоим капризам).

Таким образом, тема "Язык и возможные миры" содержит еще много интересных и неизведанных поворотов.

Семантической сферой "антимиров" завершается выявление ментальных пространств языка, объективируемых союзным средством "Если... то", схемой "частица "бы" + инфинитив", союзами сравнения "как", "как если бы", "как будто", "словно", "точно"; модальными сло-

вами и частицами: "может быть", "кажется", "вроде", "похоже", "наверное", "верно", "вероятно", "чай", "знать", "должно быть", "очевидно"; взаимоисключающими союзами "или ... или", "ли ... или"; вопросительными словами "кто", "что", "почему", "куда", "отчего" и некоторыми другими языковыми средствами, способными вывести нашу мысль в область "возможных миров".

Мы не задумываемся над тем, как часто мы употребляем эти элементы в речи. Это служит доказательством того факта, что определенность окружающего нас реального мира не носит абсолютного характера, он неустойчив и зыбок, так как этот мир действительности постоянно пересекается с множеством "возможных миров".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

3.1. Иерархия возможных миров и их "картирование"

Реальность повседневной жизни является высшей реальностью, она представляется в виде intersubъектного мира, который человек разделяет с другими людьми. Однако наш мозг устроен так, что воспроизводимый образ окружающей действительности сосуществует с образными представлениями как потенциально возможного, так и в разной степени невозможного "бытия". По замечанию А. Вежбицкой, реальный мир можно назвать "the world", используя определенный артикль "the", предполагающий единственность объекта, тогда как каждый из других гипотетических миров - "a world" (с неопределенным артиклем - один из иных миров) (Цит. по: Лебедева 1990: 52).

Человек способен рисовать в своем сознании состояние вещей и последовательность событий, которые могли бы иметь место в действительности при выполнении определенных условий. Он обращается к задачам, имеющим альтернативные варианты решений, выражает сомнения по поводу реализации тех или иных действий, строит воздушные замки, видит сны наяву, представляет то, что, в принципе, противоречит здравому смыслу. Порой люди пускаются в самые глупые фантазии, выплескивая наружу не что иное, как пену, но эти "сны наяву" содержат, однако, и такую пену, из которой иногда может появиться Венера. Животные не знают ничего подобного, они не способны фантазировать (Блох 1991: 49).

В отличие от реального мира все эти ментальные фрагменты выступают в качестве "возможных миров", существующих в сфере языковой модальности. Предлагается назвать этот вид модальности модальностью возможных миров.

Возможные миры становятся объектом лингвистического исследования только тогда, когда они вербально репрезентируются, то есть когда их идеальная сущность "схвачена" языковым знаком.

Выявлено, что в русском языке имеется набор средств, выражающих миропорождающую потенцию. К их числу можно отнести конструкции "Если бы ... то бы" (глагол на "-л" + частица "бы"); "Если ... то", "Или ... или", структуру "бы" + инфинитив"; формальные показатели будущего времени (если в плане содержания соответствующей фразы будут фиксироваться не реальные, а предполагаемые действия в будущем); союзы; частицы; модальные слова и выражения.

Каждый возможный мир имеет собственный способ вербальной объективации, а их совокупность можно рассматривать как целостную иерархическую систему. "Схваченные" языковыми знаками возможные миры дифференцируются исходя из того, как описывающие их выражения соотносятся с реальной действительностью, насколько они приближены или удалены от нее. В рамках этой системы Максимально приближенный мир содержит все характеристики, присутствующие действительности, и необходимо лишь соблюдение некоторых условий для их воплощения в жизнь (в ближайшем мире остается доля сомнения в реализации предполагаемого действия). Как уже указывалось выше, Ирреальный мир может не иметь ничего общего с тем, что происходит, происходило или будет происходить фактологически. Срединную позицию занимает Мир сомнений, манифестатором которого выступают модальные слова: "может быть", "возможно", "несомненно" и т. д. Конечно, довольно трудно локализовать в этой системе каждый из описанных нами возможных миров, любая дальнейшая их аранжировка может оказаться субъективной. Правильнее будет утверждать, что в пределах данной иерархии существуют центр и периферия. Центром гипотетических миров служат возможные миры, реализуемые посредством сослагательного наклонения - они являются наиболее яркими представителями системы, но по своей частоте употребления Мир сомнений едва ли уступает им.

Осознавать, что перед нами не действительное, а только потенциальное или возможное, не реальное, а фантастическое измышление позволяют наши знания о реальном мире.

Миропорождающая по отношению к мыслительной сфере способность языка - это одна из его важных творческих функций.

Если действительный мир имеет свою картину, то картины (или "картинки") возможных миров могут репрезентироваться как мыслительные сценарии прогнозируемых событий или действий, которым никогда не суждено случиться, при этом термин "сценарий" в его когнитивной трактовке получает дальнейшее развитие. В когнитивной психологии (а затем и лингвистике) сценарий понимается как схема событий, как мысленное представление стереотипных действий, таких, например, как посещение ресторана (The Blackwell Dictionary 1994:68). Имея сценарий (скрипт) в своей голове, человек способен воедино связать идеи, соотносимые по своим внешним чертам: он делает это, опираясь на структуры памяти, в которой они уже связаны (Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: 40). В результате наборы сценариев позволяют человеку ориентироваться в мире.

Динамика сюжетов в наших сценариях представлена в невообразимо широком диапазоне. Они градуируются по своему когнитивному потенциалу: от охвата общих знаний о мире до постижения глубинных интенций сознания других людей и собственного "я", в своей неоднородности и непредсказуемости формируя довольно пестрые картины сферы "возможных миров".

Еще одно отличие "традиционного" сценария от предлагаемой его интерпретации заключается в том, что скрипт как структура представления знаний носит устойчивый характер в сознании носителей языка, тогда как сценарий в контексте возможных миров - скоротечен. Наш сценарий имеет достаточно короткую продолжительность жизни, как и "мир", на фоне которого он разворачивается. Существует образное сравнение возможного мира с мини-спектаклем: "Когда занавес поднимается, зритель "переносится" в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющим ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель "возвращается" к реальности, вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад" (Бергер, Лукман 1995:47).

Анализ возможных миров разных типов доказывает тезис о том, что семантическое пространство языка не является одноплановым. Наши знания способны подразделять это пространство на возможные миры. Эти миры существуют не "где-то там", а в сознании человека. Существование "возможных миров" в виде отдельных, самобытных сущностей - лишь иллюзия, они не "сотканы" из какой-нибудь "неоматерии", а формируются с помощью специализированных для этой цели языковых знаков.

Ю. С. Степанов в статье "Пространство и миры - "новый", "воображаемый", "ментальный" и прочие" (Степанов 1994) пишет, что проблема "возможных миров" - удел логики и логиков. В этой связи - важнейший итог предпринятого исследования заключается в том, что мы поставили понятие "возможных миров" на службу лингвистической науке и с таких позиций подошли к разработке этой проблемы. Проведенное исследование расширило наши представления о модальности, репрезентируемой языковыми средствами.

Мы не думаем, что мы перечислили все возможные миры, выявив и описав ряд лингвистических знаков, с помощью которых они обозначаются и выражаются; полагаем, что новые подвиды возможных миров еще ждут своих первооткрывателей.

ЛИТЕРАТУРА

Алтабаева Е. В. Психолингвистические параметры изучения категории желательности в современном русском языке // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Мат-лы Всеросс. науч. конф. - Пенза, 2001. - С. 145 - 146.

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - С. 8 - 42.

Арутюнова Н. Д. Ненормативные явления и язык // Язык и логическая теория. - М.: Центр. совет философ. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. - С. 178 - 186.

Асмус В. Ф. В защиту вымысла // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. - М.: Искусство, 1968. - С. 11 - 36.

Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики. - М.: Искусство, 1968. - С. 55 - 68.

Баранов М. Т., Костяева Т. А., Прудникова А. В. Русский язык: - Справочные материалы. - М.: Просвещение, 1989. - 287 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Пер. с англ. Е. Д. Руткевича. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.

Блох Э. Принцип надежды: Пер. Л. Лисютинской // Утопия и утопическое мышление. - М.: Прогресс, 1991. - С. 49 - 78.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. - 574 с.

Вежбицка А. Семантические универсалии и "примитивное мышление": Пер. с англ. М. Б. Берельсон // Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1998. - С. 291 - 326.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975. - С. 58 - 87.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: Пер. с нем. И. Добронравового и Лахути. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. - 133 с.

Вольф Е. М. Оценка и "странность" как виды модальности // Язык и логическая теория. - М.: Центр. совет философ. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. - С. 178 - 186.

Вригт Г., фон. "Если - то" // Исследования по неклассическим логикам. М.: Наука, 1989. - С. 4 - 15.

Горский Д. И., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Краткий словарь по логике. - М.: Политпросвещение, 1991. - 208 с.

Грамматика русского языка. - Т. 2. Синтаксис. - Ч. 2. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 432 с.

Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. - М., 2001. - 105 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. - Т. 1 - 4. - М.: Прогресс, 1994.

Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики. 980. - М.: Наука, 1982. - С. 5 - 19.

Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением: Пер. с фр. А. А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - С. 303 - 332.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. - М.: Наука, 1990. - 105 с.

Краткая философская энциклопедия. - М.: Прогресс, 1994. - 575 с.

Кретов А. А. Невозможное в русском языке // Linguistica Silesiana, 15. - 1993. - С. 123 - 131.

Крипке С. Тождество и необходимость: Пер. с англ. Л. Б. Лебедевой // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Радуга, 1982. - Вып. XIII. Логика и лингвистика. - С. 340 - 376.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. - М.: Наука, 1989. - 186 с.

Кубрякова Е. С. Когнитивная обработка языковых данных // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996. - С. 64 - 66.

Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Мат-лы между. конф. - Тамбов, 1999. - С. 6 - 13.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. - М.: Русский язык, 1984. - 942 с.

Лебедева Л. Б. Высказывания о мире: содержательные и формальные особенности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. - М.: Наука, 1990. - С. 5 - 53.

Ляпон М. В. Модальность // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. - М.: Большая российская энциклопедия, 1998. - С. 303 - 304.

Мясникова Л. А. Дух эпохи и научная картина мира, общекультурное и внутринаучное функционирование. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1985. - 143 с.

Павилёнис Р. И. Язык и логика. - Ч. 1. - Вильнюс, 1975. - 166 с.

Падучева Е. В. Пресуппозиция // Языкознание: Большой энцикло-

педический словарь. - М.: Большая российская энциклопедия, 1998. - 396 с.

Панов В. Г. Эмоции. Мифы. Разум. - М.: Высшая школа, 1992. - 252 с.

Пелетье Ф. Дж. Или: Пер. с англ. Г. Е. Крейдлина // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. XVIII.: Логический анализ естественного языка. - С. 318 - 335.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. - Изд. 7. - М.: Гос. уч.-педагог. изд-во РСФСР, 1956. - 511 с.

Попова З. Д. Синтаксические концепты в структуре представления знаний // Вестник Воронежского гос. ун-та, 2000. - № 1. - Сер. 1. Гуманитарные науки. - С. 171 - 179.

Реферовская Е. А. Наклонение // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. - М.: Большая российская энциклопедия, 1998. - С. 321 - 322.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Просвещение, 1985. - С. 136 - 137.

Ронсар П. де. Ронсар // Великие мысли великих людей. - Антология афоризма: В 3 т. - Т. 3. - М.: Рипол Классик, 1998. - 735 с.

Сабанеева М. К. О сущности наклонения // Вопр. языкознания, 1994. - № 5. - С. 46 - 55.

Сталл П. Значение, содержание, прагматика: Пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - С. 384 - 398.

Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов: Пер. с англ. А. Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. - С. 242 - 263.

Слинин Я. А. Теория модальностей в современной логике // Логическая семантика и модальная логика. - М.: Наука, 1967. - С. 119 - 147.

Смирнова Е. Д. Основы модальной семантики. - М.: Высшая школа, 1990. - 144 с.

Степанов А. С. Философия древней Стои. - СПб: KN, 1995. - 272 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М.: Наука, 1985. - 335 с.

Степанов Ю. С. Пространство и миры - новый, "воображаемый", "ментальный" и прочие // Философия языка: в границах и вне

границ. Международная серия монографий. - Харьков: Око, 1994. - Т. 2. - С. 3 - 18.

Столнейкер Р. С. Прагматика: Пер. с англ. В. В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - С. 419 - 438.

Толкиен Дж. Р. Р. О волшебных сказках: Пер. с англ. А. Пинского // Утопия и утопическое мышление. - М.: Прогресс, 1991. - С. 277 - 299.

Урысон Е. В. Языковая картина мира VS обиходные представления // Вопр. языкознания. - 1998 - № 2 - С. 3 - 21.

Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983.

Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность: Пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. - С. 135 - 159.

Хайдеггер М. Время картины мира: Пер. с нем. В. В. Библихина // Хайдеггер М. Время и бытие. - М.: Республика. - С. 41 - 62.

Хинтика Я. Логика в философии - философия логики: Пер. с англ. В. Н. Брюшинкина, Э. Л. Наппельбаума, А. А. Никифорова // Логико-эпистемологические исследования: Сборник избранных статей. - М.: Прогресс, 1980. - С. 36 - 67.

Храковский В. С. Исключающие классификации в типологии // Вопр. языкознания, 1993. - № 3. - С. 42 - 54; Он же: Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // Вопр. языкознания, 1994. - № 6. - С. 129 - 139; Он же: Анкета для описания условных конструкций // Вопр. языкознания, 1996. - № 6. - С. 49 - 71.

Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1977. - 191 с.

Черемисина Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические зоны // Филологические науки, 1992. - № 2. - С. 111 - 117.

Чернухина И. Я. Замысел – произведение (текст) - "вторичное произведение" (интерпретация) // Структура и семантика текста. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. - С. 13 - 21.

Чуковский К. И. От двух до пяти. - М.: Детгиз, 1957. - 367 с.

Шелякин М. А. Об инвариантном значении и функциях сослагательного наклонения в русском языке // Вопр. языкознания, 1999. - № 4. - С. 124 - 136.

Шенк Р., Бирибаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики: Пер. с англ. Г. Ю. Левиной // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1989. - Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. - С. 32 - 47.

Шишкина Р. Г. Высказывания, реализующие значения желательности. - Ижевск, 2001. - 97 с.

Шмелев А. Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность, прагматика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. - М.: Наука, 1995. - С. 115 - 122.

Эпштейн М. К философии возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопр. философии. - 1996. - № 6. - С. 59 - 72.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. - М.: Гнозис, 1994. - 343 с.

Adams R. M. Possible Worlds // The Cambridge Dictionary of Philosophy: Cambridge University Press, 1996. - P. 882.

The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ed. by M. W. Eysenck. - Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1994. - P. 390.

Davis W. Counterfactuals // The Cambridge Dictionary of Philosophy: Cambridge University Press, 1996. - P. 882.

Feldman R. S. Understanding Psychology. - 3-d Ed. - Mc. Graw Hill, Inc., 1993. - P: 719.

Harley T. A. The Psychology of Language. From Data to Theory. - Erlbaum (UK): Faylor & Francis, 1998. - P. 482.

Whorf B. L. Science and Linguistics // Landmarks of American Language and Linguistics. V. 1. - Washington, 1993. - P. 31 - 38.

Воронежский межрегиональный институт общественных наук был создан в феврале 2001 г. в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Программа реализуется Московским общественным научным фондом, Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Программа призвана способствовать расширению сферы научных исследований российских ученых-обществоведов, повышению качества фундаментальных и прикладных исследований, развитию уже существующих научных школ и становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечению тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.